

МИХАИЛ НОВИК

Крепость Дар-ар-дар

КОМПЛЕКС
СКАЛЬМ

Аннотация

Если у тебя есть дело, с которым не справиться в одиночку, нужно позвать на помощь. Но что делать, если невозможно объяснить, для чего ты созываешь помощников? Точнее, попробовать объяснить можно, но кто поверит? Приходится выкручиваться...

Михаил Георгиевич Новик

Крепость Дар-ар-дар

Комплекс Скальм

Книга 2

Глава 1

Конец зимы часто наполнен усталостью от холода, сырости, закрытых помещений и тяжёлой одежды. И каждый раз приходящая весна удивляет, радует, дарит ощущение обновления.

Особенно ярко это выражено в Скальме, с его невероятно активной жизнью. Стоит яркому солнцу чуть растопить снег на открытых местах, как, несмотря на то, что в тени деревьев лежат сугробы и ночью замерзают лужи, растения уже освобождаются от зимней спячки, выстреливают нежно-зелёными побегами и быстро набирают силы. Этот стремительный рост сопровождается буйным цветением, которое сильно радует глаз и наполняет воздух ароматами новой жизни. Особенно приятно наблюдать это перерождение после однообразных стылых коридоров Центра управления комплекса, в котором я провёл последние месяцы.

Это третья моя весна в новом теле и новом

мире. Точнее, мир старый. Та же Земля, но теперь её называют Тарана, и по самым скромным прикидкам, с момента моей смерти в своём времени до сегодняшнего дня, прошло не менее семидесяти тысяч лет. Я погиб во время колдовского эксперимента, проведению которого по незнанию помешал, прогуливаясь за грибами по лесу. Однако, как оказалось, умер я неправильно, и моя душа не улетела в рай или другое место. Я стал неуспокоенным призраком. Этим воспользовались колдуны и вдоволь наигрались со мной, ставя различные опыты над беспомощной сущностью. Однако, долго это не продлилось, так как я нахватался многих знаний от своих мучителей и начал их самостоятельно применять, стремясь вырваться. Заметив это, колдуны всполошились и постарались избавиться от меня, и после специального ритуала отправили в бесконечность, где я бы окончательно растворился, если б не случай, который привёл меня в тело умирающего мальчика с израненной душой. Я занял его место и очнулся уже в Скальме.

Место, в котором я оказался, поначалу шокировало своей необычностью, пестротой красок и буйной растительностью, но одновременно с этим было нереально опасным и агрессивным. Только внимание и забота приёмной мамы, огромной кошки скалема, спасли меня. Никто не удосужился

пояснить, куда я попал, и поэтому пришлось разбираться самостоятельно, по ходу учиться выживать, общаться с местными животными, которые обладают своеобразным разумом, и сражаться с серыми уродливыми мутантами. Попутно знакомиться с лесом и огромными лечебными возможностями его плодов и, пожалуй, самое важное, — учиться использовать свои чувства как оружие, формируя своеобразные эмоциональные послы, с различными разрушительными или прикладными эффектами.

Позднее я познакомился с Нирсом. Это искусственный интеллект, который, как оказалось, здесь всем заправляет. Он пояснил мне, что, оказывается, этот необычный лес создан искусственно. Его агрессивность поддерживается на высоком уровне специальной аппаратурой комплекса противодействия внешнепланетному агрессору СКААЛМВВ, созданному пятнадцать тысяч лет назад и теперь называемому просто Скальм. Всё это я узнал, приехав в Центр управления комплекса по линии огромного подвесного путепровода. Также выяснилось, что меня занесло в далёкое будущее. На небе больше нет луны, только метеоритный пояс, да и Земля сильно изменилась, причём, по заключениям учёных, это произошло около семидесяти тысяч лет назад. В общем, давно. Так что от всех моих

родных и знакомых даже праха не осталось.

Нирс рассказал мне, кто сейчас населяет Землю-Тарану. За пределами действия аппаратуры комплекса обычная природа, и там много людей. Однако, кроме них, есть ещё и другие расы. Эльфы, гномы, орки, тролли и гоблины. Правда, эти названия Нирс взял из моего словарного запаса и на самом деле это названия только мои, но они настолько привычны, что я решил их не менять. Между расами идёт непрекращающаяся уже семь тысяч лет война. Империя людей с лесом эльфов и королевством гномов образовали «Светлый союз» и противостоят «тёмным» объединениям племён прочих рас. Но, как оказалось, Нирс еще обладает информацией, которой уже не найдёшь в этом мире. Он знает об истории цивилизации намного больше, чем любой из современных историков и эти знания стали доступны мне. Пятнадцать тысяч лет назад, ни о каких орках и прочих «тёмных» и речи не было. Существовала развитая цивилизация людей, которые начали осваивать солнечную систему. Кстати, Солнце теперь называется Санара. На своём пути к звёздам люди встретили эльфов и гномов, проживавших на соседних планетах Венере-Венце и Марсе-Матуре. Поругались, подрались, помирились и, в итоге, зажили по-добрососедски. Все-таки все они хоть и разные, но люди, и только проживание на разных планетах

сформировало их отличия друг от друга. Так что они смогли договориться и пошли дальше рука об руку.

Но на пути им встретились пришельцы. Жаль, но у Нирса сохранилось немного информации об их сущности. Единственное, что можно утверждать наверняка, — это некие паразиты, причём, весьма долговечные. Некоторые из них поселились внутри людей, эльфов и гномов, летавших в составе экспедиции из системы Санары к соседней звезде Ониону. Члены экспедиции вернулись и привезли информацию о том, что система Ониона пуста и не интересна, а через сто лет оттуда прилетели захватчики. При помощи «пятой колонны» из членов той экспедиции и их детей, которые уже сильно отличались от людей и представителей прочих рас, они серьезно потрепали жителей системы Санары, но те смогли собраться и достойно ответить агрессору. Правда, после этой войны жизнь почти погибла, и только семь тысячелетий назад начала возрождаться из пепла, но это вылилось в новое противостояние людей, эльфов и гномов против потомков злосчастной экспедиции, которые к этому времени сформировали расы орков, гоблинов и троллей. Эта война длится по сей день. Выжили и те сущности, которые прилетели с Ониона, и теперь орками управляют двенадцать, нет одиннадцать Великих

шаманов, пятеро Мудрых гоблинов и четверо Говорящих с землёй троллей.

А что же комплекс Скальм? В начале той давней войны пришельцы использовали биологическое оружие и создали мутантную зону, в которой плодились и размножались различные смертоносные монстры, которые вскоре пошли в атаку на поселения людей. Чтобы защититься от угрозы, в условиях тяжелейших боевых действий и, соответственно, острой нехватки военных ресурсов, было принято решение создать на базе абсолютно мирного сельскохозяйственного научного комплекса защитную структуру, которая оградила весь мир от мутантов. Комплекс Скальм создали, населили его генетически изменёнными растениями и животными, и почти все работники отправились на войну. Оставшиеся люди занимались его проблемами всю свою жизнь, но никто к ним на смену не пришёл. Поэтому со временем остался только Нирс. Искусственный интеллект работал в одиночку последние пятнадцать тысяч лет. За это время сформировалась своеобразная, неповторимая, но при этом агрессивная и опасная флора и фауна Скальма, которая полностью вытеснила первоначальную биосферу.

Животные комплекса отличаются от обычных зверей. У них есть своё общее название — начь. Из всего разнообразия видов начи особенно

выделяются семь, пятеро из которых имеют свои названия и стали визитной карточкой Скальма. Это генетически изменённые потомки собаки — кардоги, оленя — скальмлорги, крокодила — аллосаторы, человекообразной обезьяны — граноллы и кошки (моей приёмной мамы) — скалема. Также живут потомки орла и крота (у них нет названия, так как люди с ними не пресекались). Это всё виды животных намного крупнее всей прочей начи. Но выделяют их не только размеры, но и наличие своеобразного разума. Они ведут себя осознанно, создают группы для выполнения общих задач и общаются при помощи образов и эмоций, которые также превратили в эффективное оружие.

Их способу общения обучился и я, а также перенял эмоциональные послы, и теперь в моём арсенале присутствует весьма сильное оружие. Но действует оно только на территории Скальма, вовне пользоваться послымами надо весьма осторожно из-за последствий в виде слабости и потери сознания.

Всю биосферу комплекса создали для выполнения только одной задачи, — противостояния инопланетной форме жизни, которая стремится вырваться за пределы Скальма. Это происходит во время гона — десяти дней, когда мутанты из заблокированной природным кольцом комплекса зоны, стремятся вырваться в

окружающий мир. Во время гона с мутантами сражается весь Скальм.

Но всё это за пределами комплекса неизвестно, и окружающие считают его природным образованием, богатым на манны (синтетические накопители энергии растительного происхождения), голеры (растения, являющиеся мощными стимуляторами регенерации), и прочие ценные дары. Но Скальм — весьма опасное место, и только хорошо подготовленные охотники — райдеры могут недолго выживать на его территории. Поэтому за тысячелетия я — третий, кто пришел к Нирсу. Мои предшественники прожили недолго. Один из них сошёл с ума и бросился со скалы, а второй умер через день от ран, позволив лишь считать свой разум. Благодаря этому человеку мне пришли знания языка и большая часть жизненного опыта имперского рейнджера Наара, которые мне в мозг перенёс Нирс при помощи сложного артефакта ИМПЕРа.

Однако Нирс искал встречи со мной не ради того, чтобы поделиться знаниями. Ему нужна была помощь, так как древнее оборудование постепенно выходило из строя, переставало выполнять свои функции и, как следствие, не могло полностью сдерживать распространение инопланетной формы жизни. Мутанты вырывались за пределы Скальма, и из-за этого огромные территории возле границ

комплекса превратились в пустыри. Для того, чтобы предотвратить это, требовалось восстановить вышедшую из строя аппаратуру комплекса, которая позволит оградить мутантную зону более плотным кольцом биологического защитного периметра.

Я решил помочь искусственному интеллекту, но было понятно, что в одиночку справиться с задачей не получится, поэтому разработал план, согласно которому можно будет провести людей на станцию подвешенного пути и далее к центру управления, и приступил к его реализации с помощью животных Скальма. Нирс, видя такую активность, назначил меня директором комплекса. Он переложил на мои плечи непомерную тяжесть ответственности. Но делать было нечего, и я согласился. Пытаясь найти персонал, я начал выходить за пределы Скальма. Но первые встречи с людьми закончились провалом. Позже мне удалось наладить контакт. Я даже поучаствовал в серьёзной стычке между людьми и орками, но понял, что жизнь в Скальме сильно изменила моё восприятие. Теперь я воспринимаю эмоции людей. Они сильно влияют на меня в момент, когда я нахожусь в окружении себе подобных, и могут при большом накале страстей сильно мне навредить. Поэтому я был вынужден вернуться в Скальм, чтобы серьёзно подготовиться...

Глава 2

Прошла снежная суровая зима в Скальме. Пора было приступать к основным делам. Я основательно полазил по закромам и хранилищам комплекса, пытаюсь найти то, что может понадобиться. Почти неделю рылся в грудах развалившегося мусора, в итоге раскопал пару горстей разноцветных стеклянных бусин, несколько целых цепочек и колец. На меня они не произвели большого впечатления, но это больше из-за старости потускневшего от окисления материала. На самом деле, стоимость этой бижутерии на Таране очень высока, и они вполне могут помочь в крайнем случае. Набирать дары Скальма я думал по минимуму, светить ими не собирался, так что придётся выкручиваться старыми серебряными монетами Наара и собственными талантами. Не зря же я всю зиму потратил на создание образа.

Нирс пытался меня убедить не спешить, ведь снег ещё не стаял, и путь мне предстоит непростой, но видеть пустые стены центра управления сил больше не было. Поэтому, наплевав на уговоры, я отправился в путь, тем более что соскучился по друзьям. Эти мохнатые лопухи наверняка тоже ожидают меня с нетерпением. Наверное, немного поживу с ними, и лишь потом отправлюсь к людям.

Выйдя из станции подвесной дороги, увидел

уморительную картину: три до боли родные и знакомые морды, застывшие в позах крайнего удивления. А вы думали?! Хотя за годы, проведённые рядом, они привыкли к тому, что я периодически меняю свой внешний вид при помощи одежды, такого приятели не ожидали. Косички на голове с вплетёнными бусинами и цепочками, сплошной облегающий костюм с яркими стеклянными и металлическими вставками, полностью изменили мой вид. Поэтому друзья долго пытались понять, что за чудо вышло из ворот станции, и даже на всякий случай решили «приласкать» его по-своему, и мне пришлось срочно всё объяснять.

Но как только звери поняли, кто стоит перед ними, восторгу не было предела. И хоть они ещё больше выросли и выглядят теперь как взрослые, это никак не изменило их лёгкое и задорное восприятие жизни. Я тоже радовался встрече и обнимался с друзьями, копаясь пальцами в густой шерсти. Очень соскучился по этим ощущениям. Ближайший день выпал из жизни по причине обмена новостями, которых набралось немало. С радостью узнал, что скоро у мамы будет малыш или малышка, поэтому она ходит сердитая и «не в себе», но безухий кот за ней следит и не допустит глупостей. А вот этого момента я не знал: оказывается самки скалема в период беременности

и сразу после родов сильно неуравновешенны, и совершают зачастую странные поступки. Возможно, в своё время это меня и спасло. Но насколько верно это предположение, можно только догадываться: сама мама никогда не расскажет. Потом шли долгие рассказы о зиме и прочих делах.

Я поделился информацией о том, что тоннель больше чем на треть пройден, но это и так все знали, так как за этой стройкой века следил весь Скальм. Также я сообщил, что иду к людям. Под сочувственные вздохи получил заверение, что до границ комплекса меня в одиночку никто не отпустит. Ну, на это я как раз и рассчитывал, собираясь провести ближайшие пару недель, которые потребуются для неспешного путешествия, в хорошей компании.

Мы шли по Скальму на запад. Навстречу попадались многие жители. Лес оживал после зимней спячки, никто больше не хотел сидеть в норах. Тем более, когда рядом происходят интересные события. Нас провожали, иногда одиночки, а порой и целые компании, так что мой поход превратился в целое шествие. Но, несмотря на то, что никто не спешил, продвигались мы довольно быстро. Порой мне кажется, что местные звери ходить медленно просто не умеют. Только вынужденно делают это в период первоначального обучения выживанию в этих джунглях малышей,

или по другим, столь же веским причинам. Мне же помогал «прыжок», при помощи которого все препятствия становились незаметными, и скорость путешествия увеличивалась многократно. Пользуясь тем, чему меня научили животные Скальма, я мог бы, не особенно напрягаясь, проходить до пары сотен километров в день.

Через пару дней мы пересекли большую реку по льду. Он был ещё крепким, но уже трещал под нашим весом, поэтому внимание асосаторов, огромные головы которых виднелись в полыньях по всему нашему пути, было кстати. Потомки крокодилов были готовы прийти на помощь в любую секунду, но этого не потребовалось.

Естественно, мимо пещеры, которая была моим основным домом в Скальме, пока я учился здесь жить, пройти было невозможно. Мы все с нетерпением ждали встречи с семьями, для кого родными или, как в моём случае, с приёмной, поэтому на последних километрах пути не сговариваясь, побежали. Убежище встретило нас теплом очага и радостью его обитателей. Нас уже ждали и приветствовали, встречая у входа.

Подумать только, прошло всего несколько месяцев, а такие перемены! Теперь уже определённо видно, что у меня очень скоро появится младший родственник. Мамины бока недвусмысленно указывают на это. Да и изменения

характера. Хотя мне и сообщили, что теперь моя приёмная мать ведёт себя непросто, но всё равно я не ожидал, что это будет так заметно. Её и так далеко не ангельский характер стал невыносимым, а упрямство достигло небывалой высоты. Но, тем не менее, наша встреча прошла очень тепло и душевно. Мы с удовольствием пообщались и вспомнили время, проведённое вместе. Мама попыталась мной манипулировать, авторитарно давая указания как себя вести, но на её мысли по поводу будущего можно было только улыбаться. И как с ней безухий кот справляется?! Но это его проблемы. Сам видел, куда лезет.

Короткое время, проведённое в стенах ставшей родной пещеры, наполнило сердце лёгкой грустью от осознания скорой разлуки, но задерживаться не стоило, — чем больше оттягивается момент расставания, тем оно сложнее. Поэтому мой путь продолжился.

Через неделю показался край Скальма. Мы с друзьями провели часок вблизи границ комплекса, но надо было расставаться. Напоследок связался с Нирсом, сняв ИМПЕР с пояса и нацепив на голову. Светить его вне комплекса я не собирался, поэтому следующий раз поговорим нескоро. И хоть было тяжело оставлять за спиной друзей и дом и вступать в только теоретически знакомые по картам земли, я справился, и направил свои стопы на юг.

Разительные перемены начались сразу, как только я пересёк незримую границу джунглей комплекса. Резко потускнели краски, мир наполнился криками и щебетанием птиц, а насыщенные ароматы уступили место мягким и ненавязчивым. Я почувствовал, как накатывает усталость, и в спешном порядке отключил «взгляд Скальма». Сразу же как будто ослеп и оглох, потерял перспективу, больше не чувствуя эмоций окружающих животных. Пришлось срочно переходить на «аурное зрение», но это была неравноценная замена. В любом случае, отменять решение и возвращаться я не собирался, поэтому, собравшись с духом, направился вперёд.

Возле границ Скальма ещё хватало лесов и густых зарослей, но уже буквально через пару километров всё очевиднее стали признаки нашествий напначи. Поломанные деревья и кусты, вытоптаные, перекопанные в слепой ярости поляны, чернеющие буграми вывороченной почвы. Картина разрушений усугублялась с каждым шагом, и уже через несколько десятков километров вокруг меня раскинулся пустырь, изрезанный рваными шрамами бессистемно перепаханной и вздыбленной земли и лишь редкие отдельные деревья и островки кустов разбавляли эту безрадостную картину. Я шёл по этой пустыне, раскинувшейся в ширину не менее чем на сотню

километров, поражаясь той невероятной злобе и безумной ненависти, с которой произведены все разрушения. Это выглядело настолько уродливо и бессмысленно, что разум отказывался воспринимать окружающий пейзаж.

Постепенно картина опять менялась. Все больше на пути появлялось нетронутых зон и зелёных островков, которые всё увеличивались в размерах и вскоре заняли доминирующее положение в окружающем пейзаже. По всей видимости, приближались места, куда заходит меньше мутантов. Появились болота. Хороший признак, так как трясина отделяла людей от беснующейся напначи. Это означает, что цель моего пути уже близко. Ещё день пришлось потратить на поиск пути через топь и безопасный и часто используемый, судя по найденной тропе, брод был найден и использован по назначению. За несколько часов я прошёл топь и увидел признаки близкого жилья, — распаханые поля и огороды.

Вскоре вдалеке стали заметны сложенная из необожжённого кирпича стена с двумя вышками и укрывшиеся за ней дома деревни. Около сотни невысоких, крытых соломой построек компактной группой ютились под защитой укреплений. Ещё приблизительно столько же, но более непрезентабельного вида, были разбросаны вокруг. Как раз то, что я и искал.

Ещё в центре управления был намечен предварительный план, согласно которому я должен выйти к людям в одежде странствующего шута. Впервые показался в этом клоунском виде своим друзьям, чем вызвал среди них смятение. Потом, конечно, переоделся в привычную и свободную форму, лучше приспособленную к длительному путешествию и теперь ввиду скорого выхода к людям, надо было восстановить придуманный образ. Поэтому расположился вблизи тропинки, распотрошил рюкзак, переоделся в обтягивающее трико и начал заплетать свои несколько лет не видевшие ножниц парикмахера волосы в косички, попутно вплетая стеклянные бусины и цепочки. Но успел лишь частично закончить создание внешнего антуража, как послышались грубые голоса и топот копыт. Я с волнением приготовился встречать гостей.

Когда решалось, в каком качестве мне предстать перед людьми, рассматривались варианты, — от нищего до отпрыска купца, работающего с райдерами. В итоге был выбран образ актера. Последние полгода я усиленно готовился к этому, и скоро начнётся своеобразный экзамен. От его результатов многое зависит. И если всё получится, это поможет влиться в окружающую жизнь не вызывая лишних вопросов и подозрений. Ведь каких бы косяков я не натворил,

принадлежность к актерскому сословию спишет множество проколов, так, как всем известно, что такие люди немного не от мира сего. Это был основной аргумент в пользу именно такого амплуа, а память Наара помогла воссоздать классическую форму одежды бродячего мима.

Гораздо важнее было понять, справится ли мой эмоциональный щит, созданный на основе первого фильтра, использованного прошлым летом, с потоком чувств окружающих людей, ибо только от этого зависит возможность находиться в среде себе подобных. И если ничего не получится, придётся начинать всё сначала. Всё последнее время я стремился доработать эту защиту, придумывая всё новые и новые слои, но без реального контакта улучшения оставались лишь теорией. И вот наступил час проверки.

На тропинке появились два всадника и направили своих лоргов в мою сторону. Местная стража не дремлет. Верхом на оленях сидели воины в лёгких кожаных доспехах с небольшими металлическими вставками на груди, таких же шлемах и поножах, вооружённые мечами, пока ещё вложенными в деревянные ножны, и короткими копьями. Экипировка очевидно старая и небогатая, но, чего можно ожидать в этих глухих местах? Немного выбивался из общей простоты экипировки небольшой арбалет, который крепился к луке седла

одного из всадников. Не дешёвая игрушка! Но это, по всей видимости, случайный элемент, который является особой гордостью хозяина, так как, очевидно, он всегда завёрнут в защитную ткань, уголок которой виднеется из седельной сумки, и лишь недавно воин распаковал его, но определённо не собирался использовать, так как на дугах метательного устройства не было тетивы. В общем, парень решил покрасоваться. Собственно говоря, это его проблемы, но с этим персонажем нужно поостеречься, так как он в дальнейшем явно захочет выделиться.

— Ну и кого это к нам занесло? — я оказался прав, и фронт с ходу решил показать свою значимость грубым вопросом. Он постарался скрыть лицо, закрыв его кожаными дополнениями к шлему, которые оставили свободными лишь глаза, но маскировка на меня не сработала, и при первых звуках голоса сразу стало ясно, что это ещё юнец. Его напарник, намного старше и опытнее, лишь усмехнулся в густые тёмные с проседью усы и скосил ироничный взгляд на своего спутника. Все ясно, ветеран приглядывает за местной «золотой» молодёжью, а та хочет повыпендриваться. И как поступать мне?

— Я странствующий артист, остался без своей труппы и теперь ищу угол, который примет меня на время — как можно более доброжелательно

произнёс я и склонился в театральном полупоклоне, чуть присев, опустив голову и разведя руки в стороны открытыми ладонями наружу.

— Артист, говоришь? Да врѣшь, наверное — продолжил фронт и покосился на своего спутника, но тот даже не отреагировал, отдавая весь разговор со мной во власть молодого воина. Понятно, вмешается только в крайнем случае, да и это ещё не факт, поэтому надо постараться быстрее разрулить ситуацию.

— Я могу показать небольшой номер, чтобы вы убедились — мне ничего не оставалось, как продолжить отыгрывать легенду. Должно прокатить, так как я к этому основательно готовился.

Площадка для выступления, конечно, неподходящая: небольшой, не слишком ровный участок возле тропинки; хорошо, что не заросший высокой травой по причине весны. Думаю, что показать пару трюков получится. За основу, которая сможет мне помочь вжиться в образ, была выбрана гимнастика и акробатика. В детстве я несколько лет посвятил этим видам спорта, правда, на тренировках не сильно напрягался. Поэтому многого в спорте не добился, но основы, тем не менее, в меня тренера вложили. Живя в Скальме, я восстановил и улучшил навыки. Из памяти Наара было известно, что это направление хоть и не

популярно и никогда не считалось доходным и привлекательным, а работы требует много, в выступлениях некоторых трупп, тем не менее, присутствует. А мой «прыжок» поможет сделать номер эффектным.

Короткая разбежка в три шага, два фляга и сальто назад прогнувшись, теперь в обратную сторону полуторное сальто вперёд с приземлением на руки и выход через мостик. Чуть слышное «ух, ты» со стороны всадников. Лёгкий поклон. Всё, рекламная программа отработана. Остальное — только за деньги.

— А еще можешь? — в глазах франта появился азарт. Его старший спутник старался не показать своего удивления, но очевидно, что и его проняло.

— Конечно, могу. Но я устал и уже день ничего не ел, поэтому нормального выступления не получится — произнёс я и искренне улыбнулся.

Радовался не тому, что прошёл предварительную проверку. Меня еще помурывают, но главное, что мой «эмоциональный щит» работает. Не идеально, — я ещё чувствую отголоски эмоций, но это прорыв. Теперь ещё немного доработать, и проблема будет снята.

— У нас не любят побирушек, — вмешался старший воин, но без угрозы в голосе.

— Ну, деньги у меня есть — я залез за пазуху

и достал заранее приготовленную монету. Стражник подъехал поближе и мельком взглянул на неё, потом его взгляд вернулся к деньгам — Однако, интересная чеканка. Похоже, старая. Наш староста любит такие монеты, даст за неё выше стоимости. Ладно, садись сзади, поедем в Гладыш (так, по-видимому, назывался посёлок). Кстати, как тебя зовут?

— Рий — произнёс я, подхватывая рюкзак и цепляясь за сильную руку. Мужчина с лёгкостью усадил меня позади себя, и мы поехали в сторону защитной стены.

Вскоре тропа вывела на накатанную колёсами телег дорогу, петляющую между полями с работающими на них крестьянами. Шел самый разгар посевных работ, и люди использовали любую минуту, поэтому не отвлекались на нас, лишь иногда провожая короткими взглядами, и вновь возвращались к плугам, в которые в основном были впряжены волы. Оно и понятно: лорги — животные хорошие, но для посевных работ слабоваты, а лошади, которым требуются качественные корма, иначе те слабеют, — это только для богатых. Поэтому на полях их не встретишь. Да и вообще лошади становятся экзотикой, лорги их успешно заменяют. Единственное их реальное преимущество — это скорость, но уже выведены породы лоргов, которые

вполне в состоянии поспорить в этом со скакунами.

Через пару минут мы проехали под аркой ворот в защитной стене и направились по кривой, посыпанной свежим песком улице вглубь деревни. Укрепление совсем не впечатляло: необожжённая глина комьями отваливалась, создавалось ощущение пористости и хлипкости этого сооружения, но, возможно, его было достаточно. От ворот вела неширокая улица между плотно стоящими домами. Их скруглённые углы вызывали во мне удивление. Но скорее всего с возведением этих конструкций у строителей проблем не было, так как в качестве материала они использовали саман или некий аналог на основе сырой глины. А это, как известно, очень пластичный материал. Сейчас, после зимы дома казались коричневыми, однако остатки побелки указывали на то, что, когда они подсохнут, хозяева подновят стены, и тогда улица засияет белизной, но пока их вид вызывал жалость. Добавлял неприятных ощущений сильный запах навоза, но это обычный весенний запах в сельской местности, и он ушел, унесённый ветром, когда мы проехали большую часть деревни, пропустив сначала стадо коров, сопровождаемое тремя пастухами.

Остановились у коновязи возле большого дома, покрытого, в отличие от соседних строений, не тростником или соломой, а черепицей. Пологая

крыша сильно выступала за стену, образуя широкий навес, в тени которого стояли несколько столов с лавками. Мы спешили, и воины усадили меня за стол.

— Нарка, неси чего поесть — зычно крикнул старший из моих сопровождающих в открытый дверной проём, обращаясь к официантке или разносчице — а ты малой сбегай, позови дядьку.

Молодой воин, который по пути снял шлем и оказался юношей лет пятнадцати, надул губы, но спорить не стал и куда-то убежал. Мне уже было всё равно, так как показалась молодая полноватая женщина с подносом и поставила на стол тарелку с дымящейся паром кашей. Из посуды шёл просто умопомрачительный запах, и хоть я соврал о том, что сильно голоден, не выдержал и с жадностью набросился на еду.

Нормальная пища — это что-то. Как я ни старался приготовить в Скальме нечто подобное, не получалось, хотя кое-чем, пожалуй, мог бы удивить, но кашу готовить там было просто не из чего, и поэтому я сначала работал ложкой, как заведенный, и лишь когда немного подкрепился, принялся смаковать каждую порцию, которую отправлял в рот.

Как мало надо человеку для счастья! Всего-то одна добавка, и я отвалился от стола, вполне довольный жизнью. Смог, наконец, рассмотреть

окружающих, которых вдруг стало пятеро. И когда появились? К уже знакомой паре и разносчице, которая крутилась поблизости, протирая соседний стол в пятый раз, добавился широкоплечий мужчина с огромными грубыми кулаками. Его высокий статус выдавала железная кольчуга, а тяжёлый взгляд тёмных глаз под густыми сросшимися бровями сообщал, что с ним не следует шутить. Он и ещё один незнакомец в добротной одежде присели напротив и ожидали, когда я закончу.

— Ну, и горазд ты покушать — обратился ко мне обладатель пудовых кулаков, на что я только неопределённо пожал плечами и обозначил кивок головой, типа вам виднее. — Меня зовут Кален, а это мой друг Самалон, и нас очень интересует, кто ты такой, парень?

— Я это ...Рий, актёр. Моя труппа погибла, и я шел к людям, вот вышел к вам и ... — опять завёл я свою шарманку, но мужчина меня прервал.

— Ты мне лишнего не говори, какой ты там актёр мы ещё узнаем, объясни, как попал к нам со стороны болот?

— Как на болото наткнулся, стал его обходить и тут тропу увидел. Вот по ней и пришёл.

— Что так сильно тропа заметна? — опять задал вопрос Кален, и я понял, что по незнанию куда-то влез, но отступить было поздно, поэтому

попытался выкрутиться.

— Не очень, но мне в детстве отец кое-что показывал, на случай если заблужусь. При нашей жизни приходится много ездить, ну и надо знать, как поступать, если что. — Мужчина был не удовлетворён таким ответом, но решил не продолжать тему, и попросил рассказать свою историю.

Я начал рассказывать первую заготовленную липу. Про то, что ехал с труппой на выступления, на нас напали неизвестные и всех убили. Я, спасаясь, убежал, заблудился и вот вышел к ним. Прошу защиты и т. д. Но в определённый момент был остановлен замечанием.

— И ты думаешь, я в это поверю? Малыш, твоя сказка о разбойниках для дурных баб, а я Староста и, кроме того, возглавляю местное ополчение. Абы кого на эту должность не посадят. В общем, забирай его к себе — сказал здоровяк, обращаясь к хорошо одетому человеку.

Первая заготовка не прошла. Был шанс, что поверят, и мне можно будет потом надавить на жалость, но не получилось. Теперь главное — правильно всё отыграть дальше, и я срочно изобразил растерянность и страх. Весь затрясся и как можно жалобнее начал причитать.

— Не надо. Не надо. Всё расскажу. Я из дольена сбежал, от наставников. Это такая школа

актёрская. Мне как сообщили, что папа умер, а мамы у меня уже давно нет, так сразу схватил пожитки и рванул.

— И чего это вдруг? Вроде в таких школах мастерству учат — вмешался в разговор Самалон.

— Ага, это только если есть родители, которые платят и помогут потом устроиться. Одиночку наставники подержат полгода, может год, и отправят вместе с первой проезжающей труппой, да ещё и попробуют обязать платить, хотя за всё обучение всегда заранее деньги вносятся. Видел я, как это делается. А хозяин труппы, думаете, даст новому человеку подняться и свой номер сделать, чтобы в гильдии представить и звание мастера получить? Да никогда в жизни! Он сгноит любого, лишь бы у его детей шансов было больше. И что мне было делать? Да ещё вдобавок пару ценных вещей пропало из тех, что отец мне оставлял. Только то, что в тайнике припрятал, осталось. Вот и сбежал. Вышел поближе к местам, где гон идёт, чтобы никто меня не видел и не мог указать, куда я пошёл на случай, если искать будут. Хотя долгов за мной нет, но ... В общем, ушёл подальше от дольена. Продукты закончились, пришлось поворачивать. Вот и попал к вам.

— И что ты собираешься делать? — поинтересовался Самалон.

— Я ...это. А давайте покажу, что могу — на

это предложение поучил удовлетворительный кивок и начал.

Вышел в стойку на руках тут же на столешнице, через мост стал на ноги и сделал сальто на соседний стол. Рамдат вывел на улицу. Короткий разбег, и связка из флягов с сальто прогнувшись. Колесом прошёлся по кругу, несколько силовых упражнений в стойке на руках. Было понятно, что из-за того, что я постоянно использовал «прыжок» мои сальто выглядят весьма впечатляюще, надеюсь, это удивит зрителей и их недоверчивое настроение изменится. Я закончил частично импровизированное выступление и присоединился к компании. Понять, насколько их убедил, было сложно. Молодой воин и разносчица были заметно удивлены, но их более пожилые спутники смогли скрыть эмоции. Однако мне показалось, что мои шансы легализоваться выросли.

— Ну вот, а если бы ещё турник или брусья? — чуть отдышавшись, продолжил я — В общем, я хочу сделать хороший номер и выступить с ним в гильдии. Тогда получу жетон и смогу устроиться в труппу, но уже как полноправный член, со своим выступлением. В этом случае меня уже нельзя будет ставить только наподхват, а потом уже примелькаюсь зрителю и так далее...

— Рий, неужели ты думаешь, что в гильдии на

тебя станет кто-нибудь смотреть? — задал вопрос Самалон.

— У меня дальние родственники есть, они помогут.

— А чего сразу к ним не пошёл? — вмешался Кален.

— Моё выступление ещё не готово. Нужно его доработать, а на это требуется спокойное место и несколько месяцев. Если появлюсь у родни сейчас, ничего не добьюсь, мне никто не даст возможности подготовиться, и останусь я на вторых ролях. Совсем другое дело, если я приду с хорошо подготовленным номером. Да и не будут родственники помогать просто так, но есть идеи, как с ними рассчитаться, однако это только в том случае, если смогу отработать выступление на высоком уровне.

— В общем, понятно — протянул Самалон — а чего стал врать сначала?

— Ну, ...это... — начал я мнимо смущаться. — Актёру положено быть в роли — Эти слова вызвали улыбку. Как же? Вы — умные и опытные, распознали игру, вывели мальчика на чистую воду и заставили говорить правду. Потом сами додумали то, о чём я «умолчал» и сгладили несоответствия в дальнейшем рассказе, создав «правдивый» образ, попутно заинтересовавшись. Вроде всё получилось, как и было запланировано,

теперь надо постараться на время здесь устроиться.

— Может быть, я у вас здесь поживу? Выступлений несколько сделаю? — забросил удочку и получил в ответ задумчивый взгляд Калена. Он пару секунд помолчал, посмотрел на своего спутника, который в ответ на взгляд лишь неопределённо повёл плечами, и как бы решив отмести последние сомнения, бросил.

— Лицо мне твоё не нравится, всё в шрамах. Ещё напугаешь местных баб, они жаловаться прибегут. Или, может быть, ты подрашься любишь или вообще разбойник? Мне проблемы не нужны.

— Вы же видели, как я выступаю. Этот навык приходит через тренировки тела, а тут без неудачных падений и травм не обходится. Ну, вот и было у меня несколько особенно неудачных травм, отсюда и шрамы.

— Ладно, вроде как убедил, но мы не любим нищих и бездельников — продолжил гнуть своё староста.

— Так у меня деньги есть, и выступать я буду — продолжил наступление, показывая уже засвеченную монету. Кален немедленно ухватился за серебрушку и принялся вертеть ее в пальцах, рассматривая со всех сторон. Потом протянул.

— Остаться тебе, возможно разрешу. Даже позволю выступить, хоть ты и не из гильдии, но вот чем ты сможешь отблагодарить? — и я

выразительно указал на монету. Кален задумчиво сморщил губы — откуда у тебя эта вещь?

— Отец оставил.

— А ещё такие монеты есть? — Мужчина заинтересованно уставился в мою сторону. Я нехотя кивнул — не бойся, не заберу. Давай ещё пару, поменяю их на свои деньги, причём дам две серебрушки и десяток медяков. Этого тебе для начала хватит, заодно выпишу разрешение на временное поселение до начала гона. — Я достал заранее приготовленный мешочек и выразительно вытряхнул его содержимое. Как раз ещё две монеты. Кален быстро их обменял. — Выступать можешь здесь, это наша единственная таверна, здесь же и поселишься.

Но мне такой вариант не нравился.

— А можно к кому-нибудь на постой. Денег немного, а ещё перекладину для турника заказывать и одежду купить, это же костюм для сцены, его беречь надо, а другая одежда за время похода истрепалась. Не хочу, чтобы и эта испортилась. — Указал я на своё платье. — Да и здесь я на виду. Как готовить номер? Ведь если все будут видеть репетицию, кто на выступление пойдёт? — Кален вновь внимательно ко мне присмотрелся.

— Соображаешь — это хорошо. Можно с мужиками поговорить насчёт тебя, пристроить, хотя...есть вариант лучше. Тут у нас живёт пару

сирот, но в своём доме. И как раз не на виду, вне основного посёлка, за стеной. В общем, пойдёшь жить к ним, а в качестве оплаты поможешь по хозяйству и продуктов подкинешь. Согласен?

И я усиленно закивал головой, показывая, что всё устраивает. А что оставалось? Понятно, что староста и по совместительству местный воевода (вот где воочию: царь, бог и воинский начальник) сбрасывает на меня какие-то свои проблемы, но возмущаться и спорить смысла нет. Тем более, что он, по стечению обстоятельств, подобрал для меня идеальный вариант. Поэтому я, окрылённый удачей, бодро зашагал за воином, выделенным старостой в качестве проводника.

Молодой человек, тот, с которым мы встретились ещё в самом начале, оказался племянником Калена по имени Сорнот. Он вывел меня за пределы стен, далее потянул по накатанной колёсами телег дороге к границам посёлка и сходу засыпал множеством вопросов. Вскользь ответив на пару из них, удалось перевести стрелки на местные дела. В итоге я получил исчерпывающее повествование по поводу того, у кого какой расцветки корова и как ругалась бабка Матя со своей невесткой. Весьма-а-а-а ценная информация. Жизненно необходимая, хотя в потоке слов был шанс откопать кое-что полезное, и поэтому я внимательно слушал, раззадоривая проводника

вниманием к рассказу и редкими репликами.

Мы дошли до неухоженного домика с неказистыми хозяйственными постройками рядом. Сорнот подозвал грязную худую девочку лет пяти и сообщил ей, чтобы она сообщила брату, когда тот вернётся с поля, что у них появился постоялец. Та не сильно поняла, что происходит, и поэтому только кивала и улыбалась. Пришлось вмешаться.

— Послушай, друг — обратился я к проводнику — давай сюда позже зайдём, а ты пока мне покажешь, где кузнец, а потом, где можно купить еду и одежду.

Тот согласился и повёл меня обратно к посёлку, по пути поясняя, что по поводу продуктов лучше всего обратиться к соседям, а он продаст мне пару своих вещей, из тех, которые уже ему малы. На что я согласился. Вскоре мы почти дошли до кузницы, которая, кстати, также располагалась за стенами деревни, правда намного ближе к ним, чем тот дом, в котором я поселюсь. Сорнот меня оставил, не доходя до самой кузницы метров тридцать. При этом он странно покосился на кузнеца, силуэт которого виднелся через открытые двери, и поспешил за одеждой.

Я подошёл к работающему мужчине средних лет с лицом и руками в точечных отметинах от ожогов. Он сразу показался мне немного странным, но лишь минутой позже стало ясно, что зацепило в

его внешности. У него не было волос на голове, точнее лишь короткий ёжик щетины. Все ранее встреченные деревенские люди, казалось, вообще не обращаются к парикмахерам, только подравнивают бороду и усы, а кузнец внимательно следит за своей внешностью, и это было любопытно. Но я пришёл сюда не любоваться, поэтому, как только наметился перерыв в работе, обратился к мастеру. Тот внимательно выслушал мою просьбу по поводу перекладки, но сразу огорчил:

— Я не могу сделать такую палку. Здесь в основном простое железо, а для того, чтобы сделать то, что выдержит твой вес, да ещё, если будут прыжки, нужна хорошая сталь. А у меня её разве что на пару ножей — протянул он чуть хриплым голосом. А потом как бы спохватился и грубо произнёс — и что ты тут лезешь с всякими глупостями, не мешай работать.

Но на этот случай у меня в рюкзаке кое-что имелось. Ещё при подготовке к походу я выбрал пару неопределённого вида кусков древних металлических изделий, в общей сложности на килограмм для такого случая или в качестве будущего товара и теперь достал и продемонстрировал их кузнецу. Тот внимательно рассмотрел металлический лом.

— Очень хороший материал, немного, но если

взять его в качестве основы сплава, то всё получится — произнёс кузнец задумчиво и спокойно, и опять произошла резкая перемена его настроения — Откуда он у тебя? Украл, небось?

Не знаю, чем-то он меня зацепил, видимо что-то пропустил «щит» эмоций, поэтому ответил мастеру шутливым тоном:

— Пролетало мимо, успел ухватить, — кузнец улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

— Молодец! Не испугался. Меня зовут Малкодирт, но можно просто Дирт. Приходи через неделю, сделаю.

— Очень приятно, мастер Дирт, я Рий, как видишь, актёр. Но мне ещё нужно несколько штырей с петлями, чтобы натянуть растяжки и держатели на столбы, чтобы закрепить перекладину. И ещё: что по поводу оплаты за работу? — кузнец пристально посмотрел на меня. Подумал, выразительно почесав затылок, и вынес вердикт:

— Золотой. — Ого, как-то на такую трату я не рассчитывал. Но он, увидев выражение моего лица, смягчился — Не бойся. Сделаем так: возьму в качестве оплаты часть сплава. Кстати, а чего ты решил сделать такую дорогую перекладину, можно же металл древних продать и сделать всё проще?

— На орудиях труда не экономлю, как и ты — и указал на инструмент мастера, который отливал

оранжевым оттенком, за что получил очередную улыбку. И вполне довольные друг другом, мы разошлись.

Отойдя от кузницы, я увидел Сорнота, который прятался за деревом, но старался при этом сохранять серьёзный вид. У его ног лежал мешок, видимо с одеждой. Как только мы поравнялись, он провел меня подальше от кузницы, и когда та оказалась достаточно далеко, извлёк содержимое мешка. Молодой воин выложил несколько штанов и рубаш. Одежда не новая, но чистая и добротная, и хоть разная по размеру, но, в общем, подошла. Сорнот постарался всучить мне свою ношу за пол-серебряшки, но в итоге отдал за десять медяков.

После торга мы ещё немного прошли в сторону моего будущего дома. По наводке воина, заглянули к соседям. За пол-серебряшки купили меру зерна (мешок килограмм на пятнадцать), ещё столько же по весу других круп и бобов, молочных продуктов, так как у моих хозяев корова сейчас не доится. И как они выжили без кормилицы? В итоге мои и так невеликие финансы сильно просели. Осталось всего серебряшка и двадцать пять медяков, так как на медь благородный металл меняли в соотношении один к пятидесяти, далее при обмене серебра на золото шло соотношение один к двадцати. При крупных расчетах

пользовались мерными слитками и прочими ценными материалами: драгоценными камнями, маннами и редчайшей платиной.

Сорнот помог мне донести мешки до дома сирот. По пути его язык не останавливался, и хоть в словах проскальзывали интересные вещи, он сильно надоел. Поэтому я обрадовался, когда пришёл хозяин. Сорнот при появлении паренька лет одиннадцати-двенадцати сделал надменный вид, буркнул про то, что у того появился постоялец и, сославшись на занятость, двинулся восвояси. Ну и хорошо, а то у меня уже закрались опасения, что молодой воин будет вести свой монолог до ночи. Но видимо он считает себя выше остальных парней в деревне и старается это всячески продемонстрировать в таких случаях, как теперь, а предо мной изгалялся, так как посчитал ровней.

Ну и бог ему судья, лишь бы это со временем сгладилось, а то с такими личностями, которые с малых лет считают себя пупом земли, сталкиваться приходилось немало. Такие люди становятся обуеваемыми гордыней одиночками, семейными тиранами или ещё чаще — агрессивными хамами. В любом случае, жалкое зрелище. Но на данном этапе Сорнот мне полезен, так как приближен к местной власти, поэтому следует продолжать вести с ним знакомство. А теперь пора знакомиться с приютившей меня семьёй.

— Привет. Меня зовут Рий — улыбнулся я хмурому костлявому пареньку. Очевидно, что для него моё появление стало неожиданностью, поэтому он растерялся и теперь молчал. Выручила его сестра, которая при виде брата осмелела и, выскочив из кустов, затараторила.

— Латул, а плавда дядя будет жить у нас. Он такой стланный, косички носит как девочка. А его видела ланше тебя, он плиходил с ... — но брат, остановил девочку приложив ей палец к губам и попросив вести себя тише. Потом пригласил меня в дом.

Вслед за хозяином прошёл в невысокий дверной проём и очутился в доме. Я, конечно, подозревал, что место, куда попаду, будет весьма неприятным, но увиденное всё равно опечалило. Одна небольшая комната со скруглёнными углами квадратов около двадцати, земляной пол. Над головой конус соломенной крыши без потолка, только несколько горизонтальных балок. Пара окошек, затянутых мутной плёнкой. В центре топится по-чёрному очаг, обложенный камнем. Отдушины справляются, так как копоти на стенах немного, но все равно: запах застарелого дыма сильный. Грубо сколоченный стол, пара лавок и полки, на которых стоит грубая посуда. Какой-то сельхозинвентарь в углу, одинокий сундук зашарпанного вида и длинный

лежак, крытый соломой с парой дырявых одеял, очевидно, служащий общей постелью для всех. М-м...да. Ну что же. Будем обживаться.

По указке мальчика кинул рюкзак на лежак и расположился за столом. Он ушёл, видимо загнать под навес вола или по другим делам и оставил меня наедине с малышкой. Та немедленно засмушалась и тихонько присела в уголке лавки.

— Ну и чем ты хозяйка будешь гостя принимать? — обратился к девочке, пытаюсь расшевелить. Она ойкнула и побежала к очагу, где на цепи с крюком висел закопченный котелок. С усилием сняла его и медленно понесла к столу. Я подскочил и помог малышке поставить его на ровную поверхность, попутно заглянув вовнутрь. Отваренная крапива, щавель и редкие вкрапления каких-то других овощей.

— И ты этим хочешь накормить брата? — девочка совсем смутилась, но давить на неё я не собирался, поэтому начал заносить в дом и распаковывать покупки. Вскоре на столе появился кувшин молока, сыр, творог и пару лепёшек, похожих на блины. К моменту возвращения хозяина на столе появилось что-то похожее на будущий ужин. Мальчик вошел в дом, принеся кадушку с водой, с недоумением уставился на еду, и я поспешил его успокоить:

— Раз мы будем жить вместе, правильно

будет и за столом делиться.

Вскоре все уселись. Поначалу дети смущались, но вскоре освоились и с жадностью принялись уничтожать угощение. Чувствовалось, что они сильно недоедали, и поэтому стало страшно, что с голодухи им может стать плохо, поэтому я постарался прервать трапезу, пока не стало поздно.

— Не стоит так быстро есть, а то живот заболит. Не волнуйтесь, просто надо отдохнуть. Давайте лучше познакомимся. Меня зовут Рий, я актёр. Тебя Латул — указал на мальчика — а тебя егоза как величать? — девочка от моих слов прыснула в кулачѐк, и брат поспешил вмешаться.

— Не Латул, а Латур. Макта «р» не выговаривает.

— Ух, ты. Как интересно. А ты, Макта, брату помогаешь? — обратился я к малышке, стараясь развить беседу.

Постепенно дети осмелели и разговорились. Оказалось, что они круглые сироты, у которых здесь в Гладыше никого нет, да и о прочей родне мало что известно. Два года назад пропал их отец, уйдя на болота, следом при родах умерла мать. У них ещё был шанс не пойти по приёмным семьям, где их будут использовать как бесправных рабов, но старшая сестра, основной работник, теперь болеет, её увезли к местной знахарке, но оплатить

лечение нечем и надежды, что она поднимется, почти нет. Латур старается обработать отцовский надел, хотя надежды на то, что сможет вырастить достойный урожай и оплатить налоги, у мальчишки мало. В любом случае, окончательно их судьба будет решаться осенью.

Через час дети начали клевать носом, и мы поспешили улечься отдыхать. Я расстелил меховую накидку и завернул в неё Макту. Девочка быстро согрелась и засопела. Мы с Латуром перекинулись ещё парой фраз, но и сами быстро угомонились.

Активное утро началось, когда ещё Сонара и не поднялась. Меня разбудил звук посуды. Латур готовил кашу из злаков, отсыпав немного от принесённой мною меры зерна. Он засмутился, видимо подумав, что я буду недоволен его самоуправством, но кивок и улыбка успокоили мальчишка.

Наскоро все позавтракали, и хозяин побежал готовиться к трудовому дню. Я перебрал вещи, купленные вчера у Сорнота, переоделся в простую одежду, кое-что бросил обратно в мешок и последовал за Латуром. Он уже вывел из-под навеса невысокого вола, подготовил плуг и собрался выходить на работу. С некоторым удивлением отнёсся к моему желанию присоединиться, но отказываться от помощи не стал.

Поле оказалось довольно далеко от деревни.

Сразу за ним начинался пока ещё подтопленный из-за половодья выпас и далее болото. Латур поспешил приступить к работе. Понукая впряженного в плуг вола, он начал распахивать целину. Но было заметно, что мальчику не хватает сил на эту работу, и он скоро выдохнется. Тяжёлый плуг ему не по силам. О каком-либо качестве работы речи не шло. Инструмент больше скользил поверху, приглаживая почву, совсем не рыхля её. При попытке это изменить загребал валы земли, дёргался и срывался с борозды. Посмотрев на мучения Латура, я попробовал его сменить. Думал, справлюсь, надеясь на то, что намного сильнее и тяжелее малолетнего пахаря. Хотя если подумать, моё тело старше его года на два, и то если я правильно определяю свой возраст, но разница между нами была очевидна. Однако вскоре убедился, что и моих сил мало, чтобы управляться с неудобным агрегатом. Латур, увидев, что и у меня ничего не получается, в сердцах закричал:

— Обманул староста, чтоб ему худо было! Говорил, вот тебе плуг наш новый кузнец сделал, будет вместо твоей сохи в сто раз лучше. И обменять заставил, теперь его парубок моим инструментом пашет. А мне как теперь? — совсем раскис мальчик и по впалым щекам побежали слёзы.

— Говоришь, кузнец сделал?

— Ага, приехал сюда неизвестно откуда и давай что-то своё мудрить. Его одно просят, а он вечно сделает всё не так.

— И что, всегда плохо?

— Да нет. Обычно лучше, чем надо, но с этим плугом у него ничего не получилось. Только из-за колёс его катить удобно, а в остальном ... — Продолжал горевать Латур, но я уже заинтересовался конструкцией. Не может быть, чтобы мастер, про которого хорошо отзываются, сделал заведомо плохой инвентарь. Да и мне он показался стоящим человеком, поэтому следует присмотреться к его изобретению.

Плуг с самого начала казался предметом не соответствующим нищей и упрощённой действительности. В нём, помимо крепкого режущего лемеха, было несколько массивных металлических элементов, плюс колёса. Это сильно выделялось, так как даже цельно железный лемех был редкостью, в основном использовали деревянную основу, оббитую жёстью, и теперь, кажется, начало кое-что проясняться. Скорее всего, староста просто не разобрался с конструкцией, обвинил кузнеца в плохой работе, возможно, произошла стычка. Косвенно на это указывает нежелание Сорнота общаться с мастером. В итоге староста поменял ненужную вещь на то, что его устроило. Подозреваю, что мужчина надеялся

осенью ещё и забрать дорогой, из-за использованного при его создании материала, инвентарь обратно, и мне стало не по себе от такого подхода. Пора было разобраться с изделием мастера.

Немного походив вокруг, понял задумку кузнеца. Достал из пазов клинья и выпрямил основную раму. Лемех опустился ниже, и ручки приняли удобное положение. Просто и оригинально. Совместно с Латуром перепрягли вола. Теперь испытания. Полчаса ходил за плугом. Работа стала значительно проще, и я уверенно с ней справлялся, хоть и быстро уставал, но как только передал инвентарь в руки Латура, стало ясно, что он с ним не ладит. Конечно, по сравнению с тем, что было, он работал просто великолепно, но удержать ровную и глубокую борозду мальчику не хватало сил. Распахать же ему всё поле в мои планы не входило, да и не смог бы я это сделать по причине огромного объема работ. Тут и взрослый человек объём с трудом осилит, поэтому пришлось искать выход, и вскоре возникла идея. Поблизости никого не было, да и мало шансов, что за нами будут наблюдать, поэтому я решил рискнуть и отвлѣк воодушевившегося Латура от работы.

— Скажи, ты умеешь держать язык за зубами?

Мальчишка исподлобья посмотрел на меня и, подумав, ответил:

— Я знаю, что от этого иногда зависит жизнь. — Очень хороший ответ.

— Ну, тогда ты понимаешь, что рассказывать о том, что увидишь, не следует. — Он уверенно кивнул, и я отправился к своим вещам.

Достал из мешка тонкую неширокую пластину, последнюю из тех металлических обломков, что подготовил ещё в Скальме. Эту находку я придержал вчера на всякий случай и не отдал кузнецу, но в данный момент мне показалось, что только она сможет разрешить проблему. Вернулся на поле. Прикинул место установки пластины на плуге и попросил Латура отвернуться. Ему, конечно, было очень любопытно, но мальчик послушался. Я пару раз вздохнул и направил сильный посыл «огонь» в место стыковки. Через пару секунд, как только начала накатывать слабость прекратил. Потом немного подождал, давая остыть железу, и попробовал оторвать пластину. Она усилиям не поддавалась. Впервые попробовал такую сварку и всё получилось.

— Проверь, как теперь — позвал я пахаря.

Он вскользь глянул на усовершенствование и вновь приступил к работе. На этот раз мальчик, хоть и с большими усилиями, смог нормально управлять плугом. Передний лемех, созданный из пластины древнего сплава, с лёгкостью резал землю, при этом задавая правильное направление

движения. Задний плуг лишь отворачивал почву на бок. Мальчик управлялся с некогда неудобной конструкцией, и на его губах расцвела радостная улыбка. Кроме того, стало очевидно, что и вол пошёл заметно бодрее. Значит, моё усовершенствование понравилось и ему.

Мы на смену проработали до обеда и, привязав вола пастись возле одинокого дерева, отправились домой. По дороге Латур чуть не прыгал от радости, вспоминая невообразимый ранее объем сделанных работ. От восторга даже не сопротивлялся, когда я заставил его смыть пот и грязь возле колодца. Сам я проделал эту процедуру с удовольствием.

После обеда, состоявшего из каши и творога, я лишь добрым словом проводил парня продолжать пахать, а сам остался. Пора заняться и своими делами, тем более что опять на огонёк заглянул Сорнот. Нужно было уделить внимание и ему. Правда, парень быстро надоел своим нескончаемым словоизвержением, поэтому мне пришлось искать убежище.

За приютившим меня домом находилась небольшая полянка, окружённая густыми зарослями кустов и невысоких деревьев. Там я и решил проводить тренировки. Недолго похаживая по кругу, убрал весь мусор и палки и демонстративно начал разминаться. Потом указал сопровождавшему

меня всё это время Сорноту на необходимость тайны подготовки номера, секрет которого пообещал открыть ему первому, и отправил того восвояси. Конечно, он только сделал вид, что уходит, а сам притаился и пытался подглядывать, но разминка перешла в пробежку, затем упражнения на растяжку, силовую тренировку. Необычно, но ничего зрелищного, поэтому он в итоге от меня отстал и отправился по своим делам. Ну, наконец-то.

Конечно, тренировка тела в моём положении необходима, но этим можно пока не сильно утруждаться. Гораздо важнее откорректировать работу фильтра эмоций. Пока он неплохо справлялся со своей задачей, но однозначно требует доработки, а это можно проводить только в спокойных условиях, когда никого нет рядом. Поэтому, как только Сорнот исчез, я тут же уселся на землю, погрузился в медитацию и приступил к работе. Мысли о том, как усилить мою защиту, появились ещё вчера, во время разговора со старостой Каленом, никак не пойму, как правильнее его определять.

С одной стороны он глава администрации, с другой — начальник дружины и ещё выполняет функции полиции, как-то это запутывает. Вообще говоря, так быть не должно. Не может армейский командир занимать гражданскую должность. Хотя в

этих глухих местах, похоже, на это внимания не обращают. Желательно было бы понимать, почему так произошло, но специально это узнавать не стоит. Он может оказаться еще и весьма влиятельным человеком, и при лишнем внимании к своей персоне может расправиться с излишне любопытными. И вообще, однобокий, мутный тип, авторитарный и себе на уме. И окружающих под себя подмял. Такому не стоит перечить и переходить дорогу: ответит, да и сам может по любому поводу пристать. В любом случае, я сейчас, пожалуй, нахожусь в самой далёкой от него точке деревни и не мелькаю перед глазами, так что буду надеяться, и дальше не привлеку внимания. А Сорнот доложит дяде, что нужно, но молодой человек занят в первую очередь собой, поэтому увидит только то, что ему явно продемонстрируют. Только следует хорошо за всем следить, чтобы дядюшка ненароком не заинтересовался слишком сильно высказываниями о необычном артисте.

Ну да ладно с этим Каленом, пока не трогает, — и хорошо. Я же в первую очередь уселся усиливать фильтр. Однако остановился и, поразмыслив, от этой идеи решил отказаться. Если подумать, сейчас у меня идеальные условия для опытов. Людей вокруг немного, только сироты и соседи, тем более я всегда могу оказаться в одиночестве, сославшись на необходимость

тренировки и подправить неудачный эксперимент. Поэтому можно реализовать несколько случайных задумок и взглянуть на результат. Сейчас я как бы отталкиваю эмоции от себя, отгораживаюсь стеной. Это требует значительных усилий, а если попробовать проводить их мимо восприятия. Над этим следует поработать.

Через час первая пробная конструкция нового фильтра была готова. Затем действительно последовала физическая тренировка, не следует пренебрегать развитием тела, которая закончилась с появлением Макты. В этот момент я заканчивал отрабатывать связку из нескольких сальто, поэтому девочка, увидев прыжки, застыла, открыв рот. Заметив мой взгляд, она скороговоркой пригласила к ужину и убежала. Действительно, Санара уже клонилась к закату, и пора было заканчивать. Я подошёл к журавлю колодца и ополоснулся парой вёдер воды, затем проследовал в дом. По пути кинул взгляд на плуг. Он опять был приведён в положение, предназначенное для транспортировки, и на моё усовершенствование брошена тряпка. Молодец Латур, соображает!

На ужин к уже немного надоевшей каше добавилась похлёбка из крапивы. Пора с этим пресным меню завязывать. Подумать только, и как эти дети умудрялись выживать на таком рационе. Ведь до моего появления у них даже соли не было.

Да и каши тоже. И молока с маслом не помешало бы, надо будет завтра к соседям заглянуть.

Глава 3

Сытые ребяташки после хорошего ужина затеяли весёлую возню. Как мало им было нужно для счастья! Денёк хорошо поесть, капля надежды, — и они расцвели. На порозовевших мордашках засияли улыбки. Макта забавно рассказывала, что увидела во время моей тренировки, а брат с недоверчивой улыбкой кивал на её слова. Но вдруг послышался шум, и хлипкая дверь, сколоченная из пары досок, отворилась. Появился Кален. Он окинул взглядом убогую обстановку и кивнул мне.

— Привет. Как обживаешься?

— Добрый вечер. Всё нормально.

— Вижу. — Но я его не интересовал, он чуть посторонился, пропуская спутника, кивнул Латуру и произнёс — сестру принимай.

В дом вошёл воин со свёртком в руках. Он тихо поздоровался, прошёл вглубь помещения и положил ношу на лежак. От свёртка послышалось невнятное бормотание и хрип.

— Это их сестра — обратился ко мне староста, указав подбородком в сторону детей. — Поможешь похоронить?

— Так она же ещё живая.

— Лекарка сказала, что это ненадолго.

— Хорошо, сделаю как надо. — Кален удовлетворился таким ответом и, забрав спутника, удалился.

Малолетние хозяева притихли и начали разворачивать полотно. Показалась худая бледная девушка лет четырнадцати-пятнадцати. От движения она вскрикнула, повела вокруг себя невидящим взглядом карих глаз и захрипела. Вскоре хрип превратился в надрывный кашель, но сил у бедняжки не было совсем, и она лишь слегка дергалась, задыхаясь от приступа. Латур принёс воды, и глоток остановил спазм.

— Мучается — со слезами на глазах выдавил мальчишка. Он взял руку сестры и приложил к своей щеке. С другой стороны присела Макта и начала гладить девушке волосы. Я подошёл и пощупал обжигающе горячий лоб.

— Что с ней произошло?

— Три недели назад постирать пошла, поскользнулась, в воду упала, а холодно ещё было. — Всего несколько слов, а всё предельно ясно.

Через пару минут у больной начался бред. Она металась, выкрикивала неразборчивые слова, а потом вновь зашлась кашлем. Макта отскочила в уголок и там плакала, а Латур шептал

успокаивающие слова. Я взял мальчика за плечо и повернул к себе.

— Забери Макту и идите, э-э скотину покормите или сделайте ещё что-нибудь. — Мальчик сначала растерялся, потом подумал возмутиться, но в итоге сдался и, забрав сестру, вышел из дома.

Что же я делаю? Еще двух дней не прошло, а уже засветился, как рождественская ёлка, особенно в кузнице, и продолжаю это успешно делать. Но не попробовать помочь выше моих сил. Быстро достал рюкзак, вскрыл фальшивое дно. Там в тайнике лежит запас трав и маннов из Скальма. Теперь срочно вспомнить науку мамы и некоторые из знаний, полученных от Наара. Беру молодые почки и побеги, сорванные в самый последний момент перед выходом, немного сухих трав, кусок корня голера и немного засушенной плесени. Главное не передозировать, иначе умрёт. Добавляю воды и перетираю всё это в кашу. Теперь аккуратно ложкой кормлю больную. Она пытается отплевываться. Понятно, сам знаю, какая это гадость, но сил сопротивляться не хватает, и в итоге проглатывает эликсир. Всё, больше нельзя. Аккуратно ставлю чашку с лекарством на полку, убираю рюкзак.

Выхожу на улицу, чтобы позвать Латура. Такое ощущение, что он вышел на несколько шагов

за порог и простоял там истуканом всё это время. На мой призыв отреагировал с замедлением и как сомнамбула вошёл в дом. Через минуту к нему присоединилась Макта.

Вернувшись под крышу, мальчик с опаской подошёл к сестре и тут же обратился ко мне.

— Так ты её не ...того.

— Чего это ты подумал? Если она переживёт эту ночь, то у нас появится надежда, а теперь давай её обмоем. Вода поможет немного снять жар.

Позднее, когда заснула Макта, Латур принялся расспрашивать меня. После долгих уговоров я сдался.

— Есть одно лекарство — и я показал мальчику чашку. Он внимательно рассмотрел содержимое и в недоумении спросил.

— Ну и сказал бы, что у тебя есть это?

— Не всё так просто. Этого у меня быть не должно, и если хоть кто-нибудь узнает ... В общем, я надеюсь, что ты умеешь скрывать тайны. А выйти вас с Мактой просил, чтобы она ничего не видела и не сболтнула лишнего.

— Понятно, а как оправдываться, когда сестра выздоровеет? — продолжил развивать мысль Латур.

— А никак. Сама пошла на поправку и всё — попробовал его успокоить.

— Так не поверит же никто.

— Ну и что, пусть все думают, что хотят, тебе дело. И вообще, ещё ничего не известно.

Следующий день начался с радостного шепота Латура. Он как проснулся, немедленно посмотрел, что с сестрой, и заметил изменения к лучшему. Для меня самой обнадеживающей новостью было то, что она ещё жива, но издеваться над мальчишкой по этому поводу не собирался. Хотя, пожалуй, он прав и девушке определённо стало лучше. Жар спал и больше она не мечется в бреду, но назвать её забытьё нормальным сном ещё рано. Но все равно, положительные изменения заметны. В очередной раз можно удивиться живительной силе растений Скальма.

Совместными усилиями мы заставили проглотить в сестру Латура очередную порцию лекарства и напоили кипячёной водой. Мальчик хотел и дальше оставаться подле неё, следя за изменениями, но пора было на работу. И я стал его подгонять, сказав, что если он не поторопится, то займусь своими делами и не стану помогать. Всё равно, ещё ничего не ясно и в ближайшие часы ситуация не изменится. Он послушался.

До обеда мы на смену обрабатывали делянку. Неудобное место, клином выдвинутое за пределы остальных полей, но в нашем случае такое положение играло на руку, так как соседей рядом не наблюдалось и усовершенствованный плуг не

вызывал вопросов. После полудня мы отправились обратно. Войдя в дом, увидели осмысленные глаза девушки, с интересом поприветствовавшие нас. Возле неё крутилась Макта и задорно щебетала. Кризис явно позади. Это конечно радует, но теперь возникает другая проблема, и кроме меня её решить некому, поэтому пора прогуляться к соседям.

Дородная хозяйка, одетая в свободный сарафан, взяла грубыми от работы пальцами пару монет и выставила на лавку кувшин молока, творог, половину курицы, плошку мёда и горку пресных сухих блинов, которые заменяли хлеб. Быстро согласилась на то, что продолжит обеспечивать нас и дальше. Такая подработка была очень выгодна крестьянскому хозяйству, но меня это совсем не радовало, потому, что и так невеликие финансы сейчас потекут рекой. Конечно, можно было бы на это не обращать внимания, так как на месяц хватит, но уверенности в том, что я успею за это время сделать запланированное, не было, поэтому финансовый вопрос начинает волновать. Конечно, можно было бы продать один из маннов или ещё что-нибудь из запасов, но дополнительно привлекать внимание ещё и этим не стоит.

Однако глаза сирот, которые увидели продукты, отметили все переживания. Дети с радостью встретили угощение. Они вели себя так, как будто в новый год Дед Мороз положил под ёлку

самый ожидаемый и дорогой подарок. Но, тем не менее, угощаться никто не спешил. Только после понукания начали подогреть молоко с мёдом, чтобы напоить больную и поставили отвариваться курицу, чтобы получить наваристый бульон опять же для неё. Лишь после того, как я чуть не силком заставил их, скромно угостились, стараясь при этом припрятать кусок на будущее. И как после этого относиться к происходящему?

— Прекратите маяться ерундой, ешьте — попытался я образумить ребят.

— Но ты не будешь нас всё время кормить, и так сделал столько, что никогда не рассчитаемся, — попытался возразить Латур.

— И как это понимать? — я повернулся в сторону больной, которая сделала вид, что заснула — О чем это вы тут без меня говорили? — дети притихли и упёрлись взглядом в пол — Латур, вспомни о том, что не следует болтать лишнего?

— Но я только Карите, больше никому, даже Макты рядом не было. Да и не видел я ничего.

— Вот и правильно. Ничего и не было, и забудь язык распускать. А то придумашь небылиц, и пойдут всякие глупые сказки по селу ходить. На все вопросы: не знаю, не было, не видел. Надеюсь это понятно — и мальчишка закивал, соглашаясь — А ты, Карита, заканчивай притворяться, мои слова и к тебе относятся — девушка открыла глаза — В

общем, насчёт продуктов я договорился, теперь каждый день новые будут, и не надо нос воротить, вам всем силы нужны.

Тут послышался топот ног. Кого это ещё нелёгкая принесла? Я успел бросить Карите, чтобы затихла и изобразила сон, а сам вышел на улицу и у порога столкнулся с Сорнотом. Молодой человек покрутился вокруг, быстренько заглянул в дом, якобы проведать больную, и поспешил распрощаться.

Что-то он зачастил, да и вел себя необычно, неспроста это. Наверняка дядя решил не упускать местные дела из виду. Ладно, продолжим изображать и дальше удовольствие от встречи, теперь пора заняться другими делами.

На моей тренировочной площадке ничего не изменилось. Собственно говоря, это было ожидаемо. Крестьяне весной сильно заняты и даже дети в эту пору загружены до предела. Через пару недель, после посевной, это изменится, появятся любопытные и зеваки, особенно после выступления, если оно ещё будет, но пока никто не мешает и можно заниматься, чем заблагорассудиться. Конечно, в моих экспериментах никто ничего не поймёт, но очень уж некоторые элементы похожи на специфические тренировки магов, а по сути, так оно и есть, поэтому не стоит выпячиваться.

Хотя, чего я так всё время опасюсь? Вроде устроился неплохо, всё согласно плану, даже по некоторым позициям лучше, чем рассчитывал, а шарахаюсь от каждого куста. Откуда это? Может, это паранойя развивается? Ну и пусть. Как говорится, если ты параноик и тебе кажется, что за тобой следят, то это совсем не означает, что слежки нет. Но может быть, это так влияет несовершенный фильтр эмоций.

Эксперимент, проведенный вчера, определённо был неудачным, так как чувства окружающих хоть и воспринимались неярко, но были вполне ощутимыми. С другой стороны, в определённые моменты получалось отстраняться от них, практически не замечая. Наводит на размышления. По-видимому, следует продолжать некоторое время двигаться в этом направлении. Так сказать, накопить статистику. Одновременно ежедневно корректировать фильтр, используя при этом любые идеи. На этой ноте я перешел к тренировке.

Ближайшая неделя не принесла сюрпризов. По-прежнему до обеда работал с Латуром в поле, потом корректировал эмоциональный фильтр и тренировался. Ежедневно заскакивал перекинуться парой слов Сорнот и понемногу худел кошелёк. Единственное, что менялось и стало теперь очевидным, это состояние больной. Поначалу она

даже пила с трудом и едва осиливала кружку молока с мёдом или бульоном, но стремительно силы возвращались. Девушка начала есть, потом встала и на третий день от начала лечения попробовала ходить, хоть, на мой взгляд, и рановато. К концу недели даже вышла на работу в поле. Это не прошло мимо внимания молодого воина и соответственно, его дяди. Поэтому его визит не стал неожиданностью, хоть и пришлось изобразить обратное.

— Ого, что я вижу?! — с наигранной радостью произнёс мужчина, вечером ворвавшись в дом — Ты, красавица, на поправку пошла. Это очень хорошо. Видят боги, я за тебя молился.

Насчет молитвы он, возможно, не соврал. Только вот содержание этого послания к богам осталось тайной. Очевидно, на его лице гримаса неприязни, выдаваемая им за приветливую улыбку. Актёр он совершенно неумелый. Чего, спрашивается, он привязался к сиротам? Ведь по идее, сейчас у него, как у старосты, должно стать на одну проблему меньше. Семья поднимается, появляются работники, и дом не опустеет. Опять же, не надо будет о них заботиться. По сути — выгодно, а он от злости чуть ли не кипит.

— Вот видите, и постоялец у вас хороший, я помог. А вы всё о том, как плохо живётся и как обдирают вас, бедных, заставляя налоги платить,

говорите. Все платят, и вам надо.

— Так мы и платим, всю скотину отдали, только минимум остался, вол да корова. — Попыталась сопротивляться Карита.

— Ну, корова-то тельная и разродится со дня на день, а скоро праздник большой. Возвышение Отца и заодно окончание посевной отмечать будем, и ваша очередь угощение на левый угол выставлять. Телёнка как раз хватит — продолжил гнуть свою линию Кален. Интересно, это он сам придумал смешать религиозное торжество с работами на земле или тут традиция такая?

— Так он же только родится и веса ещё не наберёт.

— Ну не знаю. Вот завтра в храм приходите, выходной день же, поблагодарите богов за излечение, а после службы с народом поговорим, может, чего и придумаем. И тебе, Рий, следует там побывать. Надо подумать, чем ты на празднике займёшься, — и Кален ушёл, чем-то очень довольный.

Как только дверь за незванным посетителем закрылась, я приступил к выяснению непонятных моментов.

— Чего он вас так не любит? — попытался прояснить я вопрос у Кариты.

— Это ещё из-за родителей. Ссорились они с Каленом, но почему, — не знаю. А потом, как их не

стало, начал он на нас отыгрываться. До копейки обобрал. Перед народом делает вид, что заботится, а сам только и делает, что тянет и тянет наше добро. А как до предела дошли, вообще по миру пустить старается. Думал, что уже сделал это, когда я слегла. Но видишь, не получилось, и теперь злится. Вот и придумал, как избавиться. Телята ведь — наша надежда. Вол уже старый, пару лет, и его не станет, корова моложе, но и она не вечная, а по закону, если в хозяйстве нет вола и коровы, землю отбирают. Вот и думай теперь. Да и служба эта в храме только Калену и выгодна. — В общих чертах обрисовала девушка их отношения со старостой.

— Тебе служба в храме не нравится? — задал я следующий вопрос.

— Раньше соседи говорили, всё было нормально, но настоятель пить вино начал без меры. Служить стал плохо, порядка в храме нет, в последние годы люди не хотят туда ходить, только по праздникам или для того, чтобы собраться и обсудить общие вопросы. А Кален теперь всем там заправляет. Священник его всегда благословляет, даёт добро. Небось, за кувшин вина.

В общих чертах всё ясно. Еще немного расспросил сирот, как у них такие собрания проводятся, чтобы завтра выглядеть, не выделяясь, и стал думать, как выкручиваться. Оставить ребят

самим справляться с ситуацией — не по моей совести. С другой стороны, нарываться на конфликт не входит в мои планы. Нужна помощь, хотя бы в виде совета. Единственный человек, с которым нормально познакомился, и к которому возникло чувство симпатии при общении — кузнец. Поэтому, несмотря на поздний час, пора сходить к нему.

Подходя к кузнице, понял, что появился как раз вовремя. Лысый мужчина собирался уходить. Он уже закрывал двери мастерской, как заметил моё приближение.

— Привет, Рий. Рановато ты пришёл за своим заказом, ещё пару дней надо — поприветствовал он меня и улыбнулся.

— Здравствуй, мастер Дирт. Знаю, что рано, но меня привело сюда не это — мужчина хмыкнул и кивнул.

— Если ты по делу, то лучше давай завтра после службы и собрания поговорим.

— По делу, но моё дело как раз с собранием и связано.

— А, понятно, на собрании про праздник разговор будет, а ты, наверное, выступить на нём собрался. Не волнуйся, к нужному сроку будет тебе перекладина, даже раньше. Я сам принесу её, как будет готова. И установить помогу, ведь для неё ты у плотника столбы заказал, «турник» будешь

делать. Странное название, только от тебя и услышал.

Действительно, пару дней назад мне пришлось побегать за плотником, чтобы он принял мой заказ, так как упрямый мастер наотрез отказывался помочь, ссылаясь на посевную. Еле уговорил. Но речь сейчас пойдёт не об этом.

— Это, конечно, слышать приятно, но на самом деле я в тебе не сомневался. Привело меня сюда другое, — кузнец вопросительно поднял бровь. — Ты же знаешь, у кого я сейчас живу? — на что получил утвердительный кивок. Оно и понятно: в деревне все обо всём быстро узнают — так вот, сегодня к моим хозяевам Кален приходил, говорил, что им пора на праздник угощение выставлять, а у них на днях корова родит.

— Б... — Смачно выругался кузнец — Ну что это такое, он вообще страх потерял, совсем сирот в угол загоняет. Кстати, как там девочка? Говорили, на поправку пошла — и я кивнул, подтверждая эту информацию — это хорошо. Но что делать, даже не представляю. Мог же, урод, пару лет детишек не трогать, никто бы и слова не сказал, все понимают, нет, всё давит их. И каждый раз законные предлоги придумывает, не подкопаться. А я человек новый, всего два года здесь, и моё слово особо ничего не значит, но выскажу, что об этом всём думаю. Мне уже всё равно. Хороших отношений с Каленом и

его прихвостнями не видать. Но моё слово, будь оно хоть десять раз правильным, ничего не решит и насколько я тут всё узнал, никто не пойдёт против Калена, во всяком случае, до урожая. Кстати, спасибо тебе, что предупредил. Если бы я об этих планах старосты узнал только завтра, точно бы от злости в жирную харю заехал, и тогда пиши, пропало, он бы и меня из деревни выжил. И так тут на птичьих правах, а дальше с моей репутацией только в подмастерья. Так что не помогу.

— Понятно. Жалко, конечно, придётся деньги доставать. Кстати, ты не сможешь кое-что продать? — Протянул я.

— Тоже решил со старостой бодаться? В этом случае не выйдет. Он достаточно хитрый жук. Конечно, если ты захочешь, дашь денег сиротам на телёнка или даже больше. Но не теперь, а только через пару месяцев, когда за постой надо будет расплачиваться. Если сейчас открыто им что-нибудь купишь, такое, что будет только для них, то есть сам никак не используешь, то это уже поставит их разряд нуждающихся, а такие люди не могут жить на своей земле. Пока вы живёте вместе и кормитесь за одним столом, можешь покупать продукты, помогать на земле или ещё как, но это не должно бросаться в глаза. Уже пошли пересуды, что детишкам заметно легче стало, как ты появился, однако пока ещё в хорошем плане. Люди довольны

тем, что им помогают. Если бы не закон, давно бы сами собрали и продуктов и по-другому подсобили. А так, староста за всем следит и не даёт это незаметно сделать. А законы одни для всех, вроде и разумные, не дают тунеядцам плодиться, но в этом случае понимать надо. Эх... — и кузнец только отмахнулся от грустных мыслей. Однако, нигилист он.

— Так что, совсем нельзя ничего сделать? Может, скрытно получится купить что-нибудь и потом на стол выставить? Очень уж сильно детишки переживают — продолжил я свою мысль.

— Не следует так поступать и не только потому, что всё равно заметят. Считается, что на весенний праздник в качестве угощения люди должны выставить только то, что взято со своего двора. Всё, что можно получить со своей земли, по закону принадлежит хозяевам и не важно, что это, результат трудов или ещё как-либо завелось на территории. И только такие продукты можно выставить на праздничный стол. Иначе у всех урожай плохой будет. Так что придётся сиротам телёнка отдавать.

— Да-а. Дела — но вдруг меня посетила шальная идея — Послушай, Дирт, ты говоришь, что может завестись на дворе любое? То есть, если придёт, например, кабан из леса и его завалить, то всё нормально?

— Это, конечно, можно. Но ты думаешь один такой хитрый? Здесь половина мужиков в лес да на болота бегают и все платят за право поохотиться. Охота ведь всегда была по разрешению, которое покупать надо, а это уже под разряд своего хозяйства не подходит. Конечно, народ никогда от дармовщинки не откажется. По осени многие на полях в засаде сидят, ждут, когда на их землю кто выйдет подкормиться остатками урожая. И тогда бьют, чтобы закон не нарушать. Бывали умники, что специально зверя приманивали. Но с такими умельцами разговор суровый. И сети на рыбу только артелью ставить можно. А простой снастью особо не натаскаешь. В общем, сиди — жди пока из леса к тебе что прибежит. Ничего из этой затеи не выйдет. — Думал разочаровать меня кузнец, но вызвал лишь лёгкую ухмылку. — Или ты чего надумал?

— Скажи, как будет выглядеть, если зверь к жилью всё-таки выйдет?

— Конечно, в этом случае всё будет по закону, но нужно, чтобы это посторонние люди подтвердили.

— А если ты пойдёшь к нам плуг подправить, а на тебя зверь из лесу выскочит, и ты сможешь с ним справиться, ведь сиротам это не по силам?

— В этом случае, мне доля за помощь полагается. Ну, тогда давай сразу ещё пару

мужиков позовём, чтобы подтвердили и долю от охоты нести помогли. — Начал развивать мою мысль кузнец, потом спохватился — Ты вообще соображаешь, что сказал? Видано ли, чтобы зверь к жилию выходил. — Попытался высмеять меня мастер. — Разочаровал ты меня. Думал, что с серьёзным парнем разговариваю, а ты ещё в сказки веришь. Хотя такая сказка сиротам помогла бы...

— А ты не верь, только приди, когда позову, ведь действительно с плугом разобраться надо.

— Что, и ты скажешь — негодный инструмент, пахать невозможно? — кузнец явно разозлился и очевидно собрался заканчивать разговор.

— Почему же, когда достать клинья и раму распрямить, очень хорошо получается. — Эти слова остановили гнев мастера.

— Разобрался, молодец! — Успокоился Дирт.

— Да, и у меня одна задумка появилась, как ещё лучше сделать, может, одобришь. — Продолжил я льстить мастеру. Он улыбнулся, задумчиво прищурился.

— Пошли, покажешь.

— Нет. Так не пойдёт, вот подготовлюсь, тогда позову. — И Дирт рассмеялся.

— Всё-таки нечто задумал. Ладно, приду, может действительно, кого с собой приведу, но только предупреди заранее, у меня помощников

нет, а работы очень много.

— Так чего подмастерья не возьмёшь? —
Удивился я.

— Кален никого из молодёжи брать не разрешает, объясняет, что пахари нужны. Но это не совсем так. Ссоримся мы с ним. Вот и мудрит староста. Да и репутация у меня не та. —
Скривился Дирт.

— А что такое? — Удивился я. Всё-таки репутация в этом мире очень важна.

— Я в Ставропе (это ближайший большой город, столица графства Аненерман, где мы живём) раньше работал, в гильдии состоял. Но, понимаешь, вечно я выделялся своими всякими задумками. За это и не любили меня, ну и подставили в итоге. Дали заказ от графа, а сделать его ну никак невозможно. Вот и попал я под горячую руку. Чуть головы не лишился. Думал, всё — конец, но повезло, только из гильдии вывели и сюда пристроили, больше никто не поехал бы. —
Пожаловался кузнец.

— Понятно. Почему-то я о чём-то подобном и думал, не вписываешься ты сюда. Не тот уровень — и тут же попытался забросить удочку — а что, если я буду приходить на пару часов, молотом помахать. Мне это для общего развития неплохо будет. — На эти слова кузнец пристально посмотрел на меня.

— Вот посмотрим на плуг, тогда и поговорим

— оно и понятно, нечего пустомелю возле себя держать.

К нам направлялась молодая женщина с младенцем на руках, очевидно, жена Дирта. Она поприветствовала меня и стала выговаривать кузнецу за опоздание к обеду. Пришлось сворачивать разговор, но, по сути, мы его уже закончили, и я направился обратно к сиротам.

Дом встретил меня пустотой. Вскоре я понял, в чём дело, и направился в хлев. Мои хозяева находились там и с грустью любовались на новорождённого телёнка. На устеленном соломой полу стоял симпатичный малыш, покачиваясь на слабых ногах и косясь вокруг тёмными глазами. Будет очень грустно лишаться такого чуда. Я почувствовал, что Карита готова наделать завтра много глупостей и пришлось потратить ещё час, успокаивая и убеждая девушку держать себя в руках.

Во время разговора я взял её за руку и неожиданно понял, что это касание, запах молодого женского тела и вид девушки вызвали отклик моего тела. Карита за последние дни окрепла, округлилась и, хоть ещё была сильно худа, больше не напоминала оживший скелет. Я почувствовал возбуждение и даже немного сбился с темы от неожиданности, но быстро взял себя в руки. Однако, взрослою. Скоро это станет слишком

заметно. Но, в общем, было ожидаемо. Сколько мне лет? Думаю, уже больше тринадцати, как раз время. Никуда не деться, придётся обуздывать юношескую гиперсексуальность и прочие «прелести» переходного возраста, вызываемые взбесившимися гормонами. Та ещё забота. Ну да ладно, все через это проходят, а мне всё-таки проще, дурных мыслей и глупых идей, не допущу. Влюблённости, вызванные неконтролируемым всплеском количества химии в крови и желаниями тела, задущу в зародыше. Должен справиться.

Следующим утром мы с Каритой прошли ворота в стене, окружившей основную часть посёлка, и направились в храм. Здание, которое отличалось от остальных только большими размерами и остроконечной крышей с резным стилизованным под фигуру человека коньком, приветствовало нас тихим гулом голосов. Маленькие окна, затянутые мутной плёнкой и редкие светильники едва разгоняли полумрак стылого помещения. Мы сразу прошли к дальней стене и по очереди поклонились двум большим, в два роста человека, статуям, Отцу и Матери, а потом в стороны стоявшим ровными полукругами ростовым фигурам остальных двенадцати богов, Детям. Шесть мужских изваяний стояли справа, со стороны Отца, женские — слева, рядом с Матерью. На мой взгляд, скульптуры были очень

некачественными, а потёки давно не обновлявшейся краски ещё больше усугубляли положение. Поклонившись, мы с девушкой разошлись каждый на свою сторону, соответственно напротив однополых с нами богов, и я осмотрелся.

Внутри храм оказался весьма непрезентабельным. Тот же земляной пол, лишь слегка укреплённый утрамбованной глиной с песком, неровные стены и отсутствие потолка, лишь соломенный свод крыши. Картину пыталась скрасить роспись стен, но любительские рисунки при плохом освещении выглядели несуразно и вызывали грустную улыбку. Единственной мебелью был высокий, по грудь, столик, стоявший посреди помещения. Рядом стояла корзина для подношений продуктами и глиняная тарелка, в которую я бросил медную монету.

Людей собралось немного, по моим представлениям, не больше пятой части деревни. Около сотни мужчин и женщин с детьми. Я тихо поприветствовал Калена, Сорнота, Дирта и пару людей, с которыми познакомился. Вскоре из дальнего угла, где находилась маленькая дверь, вышла оплывшая фигура в серой сутане. Краснолицый седеющий жрец обвёл всех присутствующих мутным взглядом и приступил к службе. Он что-то монотонно забубнил,

периодически повышая голос чуть ли не до визга. Походил по рядам прихожан, обмахивая всех веником, который, по идее, изображал веер, зажёл большую лампаду, потом подошёл к столику, на котором лежала открытая книга, и принялся неразборчиво читать, периодически пытаясь подпевать. Ему вторил разноголосый хор, и мне пришлось изображать рыбу, выброшенную на берег, периодически открывая рот.

Хоть мне и достались некоторые представления о главенствующей религии людей от Наара, знал я о ней очень немного. По сути, известно мне было только то, что существует двенадцать богов, поровну мужчин и женщин, которые курируют свои области в жизни людей и природные явления, отвечают за чудеса и прочие непонятные явления. Контроль действий этих персон отдан Отцу и Матери. Причём самым главным является Отец. Эти боги в общем понимании хорошие, их называют Светлыми. Они заботятся о верных своих прихожанах после смерти, приводя души умерших ко всяким благам.

В противовес хорошим богам существует некое неопределённое количество (от десятка) неких плохих Тёмных сущностей, которые вредят, смущают умы и вообще делают всякие гадости. Души их последователей после смерти страдают и так далее. В общем, некий аналог рая и ада. Но, по

сути, некое зерно истины во всём этом было, так как, будучи бестелесным существом, я видел нечто, что могло бы с громадной натяжкой и упрощениями определиться как рай или ад, но этим в прямом понимании не являлось. Вообще я мало что об этом помню, так как такие знания не удержались в теперешнем моём сознании, остались лишь отголоски.

Над всеми богами присутствовало Нечто. То ли дух Творца, то ли некая сила Создателя, которая определяла поведение богов, распределяла их функции и доводила до них свою волю, которые те, в свою очередь, передавали прихожанам. Как это происходит, я точно не знал и не интересовался этим вопросом. Ясно только, что всё доводилось до народа через священные книги и дополнения к ним, которые периодически появлялись где-то в высших кругах церковной власти и пояснялись священниками на местах. В общем, всё это меня не впечатляло. Но вести себя как все было жизненно необходимо, поэтому я со всем старанием старался копировать поведение прочих прихожан.

Всякие непонятные действия производились жрецом ещё полчаса, в конце он высказался по поводу того, чтобы все слушались Калена, так сказать благословил того на любые дела в деревне. Потом он невнятно попрощался и быстро исчез. Ну, наконец-то, это действительно не служба, а

непонятно что. И как ещё это чудо в сутане умудряется удерживаться на своём месте? Только старосте от него хорошо, по всей видимости, это и объясняет присутствие этого персонажа в посёлке.

Народ потянулся к выходу. Некоторые стали подходить к скульптурам, присаживаться на колени и, по-видимому, коротко молиться или обращаться к богам. Пользуясь тем, что больше никто не обращает внимания на окружающее, я подошёл к столику с книгой и постарался прочитать написанный вычурным шрифтом текст. С трудом разобрал несколько строчек, потом дело пошло легче, наверное, начал привыкать. Это весьма порадовало, так как подтвердило наличие письменных знаний, но тут подошла Карита и потянула меня на выход.

На небольшом пятачке перед храмом уже собралась толпа. Те же, что присутствовали на службе, только ушли несколько женщин и дети. Кален с видом главного на этом сходе стоял посреди толпы. Действительно, крупная фигура и уверенный вид не давали усомниться в его главенстве. Он начал громко говорить заготовленную речь, перемежая её грубыми словами. В целом всё было понятно после первых слов. Через неделю праздник, и все присутствующие участвуют в его подготовке. Сейчас шло распределение ролей и вклада

отдельных людей в общее дело. Быстро определились, кто готовит, несёт мебель и предоставляет продукты. Под конец староста затронул и сирот.

— На левый стол мясо предоставляет семья Маношол, у них есть телёнок (вот ведь, а я и не знал, что у сирот есть фамилия) — и выразительно уставился в сторону Кариты, а затем, несколько удивившись, на Дирта. Те не издали и звука, лишь девушка плотно сжала губы и кивнула. Это, видимо, задело старосту, но он не стал сразу развивать тему, лишь сплюнул и продолжил — гм. Ладно. И ещё в этом году у нас необычный гость. Это Рий, и он представит вам своё искусство. — Я в ответ на эти слова сделал шаг вперёд и картинно поклонился. Затем Кален решил ещё раз вернуться к теме стола, решив, по-видимому, что его просто не поняли или недослышали, и если он во второй раз затронет детей, скандал, на который он нарывается, произойдёт. Но опять обломался. Лишь тихое «всё будет» Кариты стало ответом на его выпад. В крайнем раздражении, весь красный от гнева, он завершил собрание.

Мы с Каритой пошли домой. По дороге нас догнал Дирт.

— Ты видел? — радостно произнёс он — как он злился, аж красный весь стал!!! — И кузнец задорно рассмеялся. — Не ожидал, что видеть такое

будет настолько приятно. Ну, теперь жду, когда позовёшь — и он весело подмигнул.

Что же. Буду надеяться, что всё получится. Работать, увы, Латур без меня будет, тем более, что пахать, несмотря на не до конца обработанный участок земли, можно ещё день, не более. Таковы здесь традиции и правила, а посадка и прочее копанье в грядках, — увольте, и так уже достало. Потом помогу сиротам по мелочам и во время сенокоса, но ежедневно батрачить на земле — не по мне, и так много времени их делам уделяю. Да и Карита поднялась, от болезни почти отошла и сидеть не собирается, так что завтра оставлю сирот и пробегусь по окрестностям.

Глава 4

Болота, вокруг одни болота. В Скальме они тоже были и даже больше, чем здесь. Там топи раскинулись на сотни километров, но поверху настолько заросли, причём полноценными джунглями, что если бы не подсказки Нирса, то я бы никогда и не понял, что много ходил по плавающему плотному ковру из трав и корней деревьев. А места, где натыкался на песок и камни, на самом деле лишь острова. Там даже наблюдались такие явления, как опускание под весом части растительной массы вниз с

образованием озёр и далее новых болот. Но это всё особенности искусственной природы комплекса.

Сейчас же вокруг меня раскинулась топь, более отвечающая общим представлениям. Больные деревья, покрытые зелёным мхом, хлюпающие кочки под ногами и повсеместные лужи. Шаг в сторону, — и проваливаешься по пояс в холодную жижу. Дальше становится ещё хуже. И так редкий подлесок постепенно исчезает, остаются чахлые отдельно стоящие деревца. Тут уже неосторожный шаг может привести в настоящую трясиину, но мне идти дальше не нужно. На небольшом возвышении под дубами пасётся стадо кабанов, отъедается прошлогодними желудями. Животные уже вполне оправились от зимнего голода и теперь продолжают кормёжку больше из жадности, но это меня вполне устраивает, наваристее будут.

Нашёл их только к вечеру, основательно побегав вокруг и то только благодаря «аурному зрению». В первый день я намеревался только разведать, что водится в окружающих лесах, чтобы наметить будущую цель. По пути рассмотрел множество вариантов: лоси, пара косуль, и те же кабаны. Но стадо, в котором было сразу четыре годовалых подсвинка, — это роскошь, мимо которой пройти нельзя. Конечно, далеко, километров двенадцать от посёлка, но есть мысли, как это исправить.

Переход на «взгляд Скальма» раскрасил окружающую действительность. Как будто я находился в мертвом месте, и оно вдруг ожило и засверкало. Как все-таки скучно и однообразно выглядит мир, для того кто видел его по иному, наполненным чувствами и эмоциями. Жаль, что это ненадолго, лишь насколько хватит сил. И пока ещё не устал, надо заняться делами.

Подхожу поближе к стаду и внушением из «взгляда Скальма», которое помогало отгонять начь, гоню их в сторону деревни. Подействовало!!! Ого, как рванули. И в разные стороны. Да чтоб вас всех ... Полчаса потратил, чтобы собрать обратно. Работа новая для меня, всё интуитивно и путём проб и ошибок. Ещё сильно мешало наличие не нужной мне живности, которая постоянно сбивала с толку. Устал, чуть ноги волочу, и сил нет совсем. Пора завершаться и вдруг меня осенило. Чего спрашивается, я трачу лишние силы, постоянно пользуясь «взглядом Скальма»? Можно же следить за стадом «аурным зрением» и пользоваться умениями, приобретёнными от мамы, очень дозировано и в короткие периоды времени. Тем самым удастся поберечь силы.

Конечно, придётся много экспериментировать, чтобы добиться результата. Однако выбора нет, научить меня никто не сможет, поэтому придётся выкручиваться самому. Раз

собрался помочь сиротам значит должен это сделать.

С утра с лёгкостью нашёл давешнее стадо и начал с ними заниматься. Пытаясь научиться управлять ими. Весь день был занят гонками по лесам и болотам, но в итоге начало получаться контролировать их. Под вечер довёл стадо почти до деревни. Всего около километра осталось. Хрюшки, обессиленные суматошным днём, под конец едва волочили ноги и тут же повалились, как только я от них отстал. Мне было не легче, едва дополз до дома, но долго расслабляться возможности не было, и уже через час я стучал в дверь дома кузнеца. Тот пробурчал, что-то насчет сволочи, что отдыхать не даёт, но дверь открыл и с удивлением уставился на меня.

— Ты это чего? — удивился мастер.

— Надо бы завтра плуг посмотреть.

— И..... Ты не шутишь? — ещё больше опешил он.

— Нет. Около полудня на поляну за домом, где я тренируюсь, в общем Карита покажет, выйдет стадо свиней, остановится и замрёт секунд на пять-десять. Меня не будет. Не подведи — уверенно посмотрел я на Дирта. Он пожал плечами, но потом, видя моё спокойствие, кивнул и произнёс.

— Твоя перекладина готова. Завтра мы с

плотником возьмем ещё одного мужика в помощь и в полдень пойдём ставить твой турник. Это лучший повод, чем плуг смотреть? — на это я мог только кивнуть и улыбнуться.

Стадо нашлось там, где вчера их оставил. Животные нашли что-то в кустах и увлечённо перерывали землю своими пятаками. До полудня у меня хватало времени восстановиться, так как пришлось выложиться с самого утра на то чтобы отделить моё усовершенствование от плуга. Латур наконец-то закончил пахать и оставил инвентарь в покое. Мальчик будет молчать, поэтому с этой стороны проблем не было, но показывать кузнецу непонятно как появившийся на его изделия лемех, чем ещё больше запутывать человека не следовало. И так если всё пройдёт удачно, кузнец неизвестно что подумает. Поэтому ещё до завтрака я отпаял при помощи «огня» пластину от плуга.

Пару часов медитации помогли восстановиться, и настала пора охоты. Сначала при помощи «аурного зрения» убедился, что на тренировочной площадке появились люди и потом погнал стадо в их сторону. Недовольные хрюшки не хотели уходить с богатого на еду места, но внушение не оставило им выбора. Пришлось постараться, чтобы они не разбежались, но вчерашние усилия не пропали даром, и стадо кучно выскочило на запланированное место. После этого

мне пришлось усилить внушение до максимума, чтобы обездвижить животных. Потянулись секунды, одновременно в ускоренном режиме стали утекать и так невеликие силы. Три, пять, семь, девять, всё. Кратким усилием отрубая «взгляд Скальма» и без сил падаю на землю. Высокая концентрация на внушении не позволила узнать результат. И хоть желание узнать всё ли получилось было велико, следовало сначала восстановиться.

К месту событий вышел через полчаса, и хоть уже было ясно, что всё получилось, громко задал вопрос.

— Что здесь происходит? — и увидел, как на мгновение остановилась суeta людей на поляне. Ко мне подбежал Сорнот (и откуда взялся этот проныра) и сбивчиво начал рассказывать мне свою «захватывающую» историю, попутно таща к восьми кабаньим тушам.

— Представляешь Рий, я кабана завалил. Он как выскочит, а я ему мечом как дам. Сразу насмерть, вот — и он указал на свиноматку, на теле которой виднелись три резаные, и пара колотых ран. Но погибла она от перелома шейных позвонков, причём последний удар сделан, скорее всего, молотом. Спасибо Дирт, если бы не ты раненый зверь порвал бы сопляка. И как я его ещё за воина воспринимать мог.

— У — у ты молодец. — Наигранно удивился я, но Сорнот игры не заметил. — А как это произошло?

— Ты понимаешь, я вот пришёл помочь мужикам они тут тебе что-то делают (ага ври больше, дядин дятел). Мы уже закончили, стали инструмент собирать, а тут такой треск из кустов, ну я всем сказал, чтобы вооружились и тут эти кабаны из кустов и мы давай их рубить! — и лгун начал размахивать своим мечом — всех порубили! — И Сорнот продолжил дальше расписывать свои подвиги, а я присмотрелся к добыче.

Так. Четыре подсвинка. Ну, это самая ценная часть добычи. Собственно говоря, ради них всё и затевалось. Свинья и трое поросят. Секач и ещё одна свинья с остальным помётом ушла. Это хорошо, а то не по себе было бы, если б погибло всё стадо. А так скоро поголовье восстановится. Дирт, плотник, ещё какой-то незнакомый мужик и естественно Карита с Мактой суетились возле добычи.

Через пару минут на взмыленных лоргах прискакал Кален с ещё одним воином. Он подозвал Сорнота и они о чем-то зашептались, а я отправился посмотреть турник, не думаю, что сейчас мне надо толкаться среди удачливых охотников. Это их праздник и посторонним здесь не место.

А турник внешне вроде ничего. Крепкие вертикально установленные столбы, жёстко зафиксированные растяжками, надёжно установленная и хорошо закреплённая перекладина. Надо испытать. Пару подтягиваний и подъем переворотом вывел наверх. Встал на перекладину, отливающую лёгким оранжевым оттенком, и попрыгал. Вроде надёжно. Теперь сложнее. Пару раскачиваний, и несколько оборотов солнышком, выход на руки и соскок через сальто. Что же штанга жёсткая и упругая, конструкция турника надёжная и одновременно легко разбирается, можно переустановить на другое место буквально за неполный час. Чуть излишне пружинит и ходит, но это не центр управления, где я нашёл штангу, целиком состоящую из древнего сплава, и жёстко закрепил на стойках при помощи цепей, которые натянул винтовыми натяжителями.

В этих условиях мне и так можно сказать повезло нарваться на хороших мастеров: кузнеца и плотника, особенно первого. Он показал на моём заказе высокий уровень своей работы. Думаю, что граф, отправивший Дирта сюда, лишился очень хорошего мастера, ну и пусть теперь локти кусает. Но и сам я за последние недели без активных тренировок на снаряде много растерял. Мышцы отозвались на нагрузку неприятным зудом, придётся навёрстывать упущенное. Да и привыкать

нужно к новому снаряду, приноровиться, хотя уже ясно, что некоторые элементы на нём делать не стоит. Однако всё равно достойно получилось. Надо поблагодарить мастеров и я обернулся к ним, но в этот момент люди, которые отвлеклись от работы, глядя на мои испытания турника, как бы опомнились и приступили к важному обсуждению.

— Я забираю свинью и поросёнка — начал Кален и получил в ответ дружный возмущённый вопль всех окружающих. «Ну, понеслась душа в рай, щас начнётся» мелькнула мысль, и я стал ожидать развития событий, готовый немедленно вмешаться. Но в этот момент к нам подтянулись новые лица, человек десять с двумя телегами въехали на поляну и намечающийся мордобой перешёл в разборки посредством голоса.

В течение часа тренировочная площадка была ареной ожесточённого спора. Народ орал, спорил, ругался, но в итоге нашли вариант, который всех устроил. Туши погрузили на телеги и увезли, видимо разделявать. Вслед за телегами потянулись и крестьяне. Ко мне несколько раз подбегали радостные Карита с Мактой, а под и конец и пришедший с поля Латур. Было приятно видеть их счастливые глаза. Последним подошёл Дирт.

— Сильно ты помог детишкам. Теперь и мясо в леднике завелось и на праздник есть, что на стол поставить.

— А я здесь причём? Меня вообще рядом не было.

— Ну да. Господин маг решил в скромность поиграть — скептически протянул кузнец, и пристально всмотрелся в моё лицо. Не знаю, что он хотел там увидеть, однако ожидаемой от меня реакции не заметил, поэтому решил продолжить развивать мысль, надеясь на откровенность — Вот не могу понять тебя и чем дальше узнаю, тем больше путаюсь. Твоё появление в Гладыше вроде как с натягом можно принять за правду. Конечно, странно всё и вызывает подозрения, но с другой стороны Кален калач тёртый, а ты его убедил, правда, не конца, так как он засунул тебя к сиротам, а в их сторону на самом деле все поглядывают, хоть это и незаметно. Так что ты под присмотром. Далее с плугом сразу разобрался, а твой второй лемех это вообще что-то невероятное. Если ты думаешь, что его не заметили, ошибаешься. Уже на третий день как ты появился ко мне Староста пришёл отношения выяснять. Но у меня с ним разговор короткий. Однако как ты закрепил эту полосу? И на самом деле, откуда взял этот металл? Ведь такого качественного сплава и без следов разрушения я в жизни не видел, а поверь через мои руки прошло многое — кузнец вновь посмотрел в мою сторону и вновь получил в ответ молчание. — А последнее, что ты устроил это вообще непостижимо. Я как

увидел застывшее стадо, так чуть с ума не сошёл. — Вот теперь, пожалуй, можно начать отвечать.

— У меня иногда получаются некоторые вещи, которые можно назвать необычными. Я этим плохо владею, пока ещё только учусь.

— Так ты Видящий? — с удивлением произнёс кузнец, и мгновенно всплыли знания Наара. Оказывается, есть особая группа магов, которые обладают некими особыми возможностями отличными от сил используемых обычными магами. К ним относятся пророки, некоторые сыщики и целители, хотя последних и не так уж мало, даже есть пару учебных заведений и кафедр в университетах специально для таких людей. Но прочих немного, их возможности различны и в основном непредсказуемы. Их очень ценят и стараются создавать им хорошие условия. Поэтому следующий вопрос Дирта казался закономерным. — Так чего ты здесь делаешь? Иди в город там тебя сразу хорошо примут. — На что я отрицательно замотал головой.

— Мне тяжело находиться среди людей, особенно когда их вокруг много. Это мои личные особенности их не просто объяснить, но я уверен, что если попаду в город, где есть толпа, мне не выжить. Я пришёл сюда, чтобы научиться справляться с этим.

— Ну и как получается? — в голосе кузнеца слышался неподдельный интерес.

— Когда рядом один или несколько человек, проблем нет, а на празднике узнаю, как справлюсь с толпой, есть надежда, что всё получится, но в любом случае придётся ещё какое-то время побыть здесь, поучиться справлять со своими проблемами.

— А что ещё можешь кроме, как зверями управлять? — не унимался кузнец, оно и понятно не каждый день сталкиваешься с необычным.

— На самом деле я могу немного. Сильно нагреть что-нибудь, высоко прыгать и немного воздействовать на зверей. Но ты и сам уже всё видел.

— А чего сразу Калену ничего не рассказал?

— Да гнилой он человек. Не хочу с такими людьми иметь дел. Ты совсем не такой, поэтому и открылся, но сам понимаешь...

— Не волнуйся. От меня твою тайну никто не узнает. А ... — попробовал задать он следующий вопрос, но я его перебил.

— Давай я начну после праздника приходить к тебе как подмастерье, тогда и поговорим ещё. Не думай, твой хлеб отбирать не собираюсь — кузнец лишь понимающе улыбнулся на эти слова — мне с разными людьми в контакте находиться надо, чтобы справиться со своими проблемами, а к тебе клиенты ходят. Сейчас извини, я очень устал — Мы

ударил по рукам и распрощались.

Конечно, не следовало так раскрываться перед Диртом, но кузнец мне понравился. Он не стал делиться своими сомнениями с другими, наоборот скрыл мою деятельность, вызвав недовольство старосты на себя, искренне переживал за сирот, и о нём у меня создалось хорошее впечатление. С такими людьми следует иметь дела и дальше, тем более, что мастер тяготится своим положением и очевидно примет моё предложение заняться делами Скальма, тем более, что это в его духе, а комплекс откроет пытливому уму очень многое. Но пока спешить не буду и так сообщил Дирту слишком много.

Глава 5

Деревенский праздник в целом не производил впечатления. Всё, естественно, началось с безобразно проведённой жрецом службы, на которую, в отличие от прошлого раза, собралась все жители Гладыша. Потом толпа перебазировалась к местной таверне, под навесом крыши которой были расставлены богато сервированные столы. Часть столов вынесена за пределы навеса, и там уже угощение было проще. Сразу к трапезе никто не приступил, а начались простые развлечения и игры. Они проводились на открытом пятачке, там же

находился и мой заранее установленный турник.

Народ поначалу, казалось, неспешно раскачивался, но как ни странно, мужики довольно быстро разбились на команды и начали перетягивать канат, затем некоторые представители сильного пола носили на своих плечах флегматичного бычка и бросали на расстояние круглый тяжёлый камень. На этом, по всей видимости, крестьянская фантазия закончилась, но, тем не менее, у окружающих эти игры вызывали массу положительных эмоций. Потом пришла моя очередь порадовать присутствующих и я, под удивлённые вздохи и ахи, отработал пятиминутную программу прыжков и упражнений на турнике. Надетая по этому случаю обтягивающая одежда подчеркивала движения, а разлетающиеся косички с блестящими бусинами и цепочками создавали дополнительный эффект. В общем, моё первое выступление на публике прошло неплохо, хотя, по сути, не освистали, — и хорошо. После выступления подтянулся самодеятельный оркестр из двух мужиков и пожилой женщины, которые дули в сопелки и выбивали ритм на кривом барабане. Молодёжь закружилась в хороводах, но вяло. Зато команде садиться за стол обрадовались все.

Место нашлось всем, и хоть было пару незлобных стычек, крестьяне быстро расселись.

Мне нашлось место за основным столом, рядом с Каленом, Сорнотом, прочими воинами, несколькими другими значимыми в деревне людьми и их семьями. Там же сидел и кузнец Дирт с женой, у которой был на руках младенец и к которому и я присоединился, к неприкрытому неудовольствию старосты. Но он не стал раздувать из этого скандал и приступил к речи, которая перешла в тост за односельчан. Это прозвучало как команда «на старт», и все быстро выпили, кто вино, кто пиво, или как я, хлебный квас на берёзовом соке, и приступили к закускам.

Через пару минут, когда все немного перекусили, речи посыпались как из рога изобилия. Один за другим поднимались мужчины и женщины, и неумело, сбивчиво произносили короткие речи, которые с воодушевлением поддерживались прочими крестьянами. Народ быстро наливался спиртным и вскоре, чтобы действие не перешло в разряд банальной пьянки, Кален вызвал музыкантов. Мне также пришлось повторить выступление, добавив пару свежих элементов в виде новых прыжков и жонглирования тремя деревянными шарами. Последний элемент я освоил недавно и серьёзной публике его, конечно, показывать не следовало, но здесь он прокатил на «ура».

Затем опять последовало застолье и так далее.

Мне пришлось выступать ещё три раза. Захмелевшие юнцы пробовали освоить турник, но в итоге опозорились и больше к нему не приближались, а в обращениях ко мне появились нотки уважения. К вечеру мужики всё-таки порвали канат и продолжили выяснять, кто сильнее, при помощи кулаков. Но драка, хоть и казалась со стороны серьёзной, осталась почти без последствий. Не считать же за большую проблему синяк под глазом. И по некоторым ухмылкам становилось понятно, что это было подстроено. Всё это проходило на фоне танцев.

Народ хорошо оттягивался, по ходу разбиваясь на группы и решая некие свои вопросы. Я также получил предложение от хозяина таверны, который оказался братом Калена, и договорился выступать по выходным в его заведении. Праздник закончился сжиганием большой соломенной куклы, и мы с сиротами, которые всё это время почти не выделялись, и парочкой кавалеров Кариты шумной компанией отправились домой, хотя, судя по интересу молодёжи, в первую очередь они хотели пообщаться со мной, и ухаживания были лишь предлогом. Однако девушка от внимания расцвела. Не буду её расстраивать, хоть это и не нужно. Сироты понимают намного больше, чем некоторые взрослые, но всё равно, девушке приятно. Тем более, что день прошёл замечательно.

Самое главное, что мне удалось протестировать новый фильтр, и в условиях длительного воздействия эмоций возбуждённых людей оценить его недостатки, а также продумать пути усовершенствования. Кроме того мне показалось, что Кален и прочие перестали коситься на меня с подозрением и теперь на некоторое время я вроде как стал своим. Единственное, что немного опечалило, — всего четыре медяка в кружке для сбора средств за мою работу, но, по сути, я не рассчитывал и на это, идя на праздник как на рекламную акцию, поэтому не собирался брать деньги за работу. Лишь недвусмысленное указание старосты, который заставил меня поставить посуду для денег, и первым кинувший туда свою монету, изменило ситуацию.

Но мои финансовые переживания пропали на следующий день. К полудню, когда я уже заканчивал монтировать турник обратно на тренировочной площадке, послышались голоса и скрип телег. Через минуту меня позвала Макта, и пришлось обойти дом, чтобы увидеть неожиданную картину. Во дворе стояли две телеги, доверху забитые разным добром. Мешки муки и зерна перемежались корзинами с овощами и кувшинами, видимо, с молочными продуктами. Стояло несколько клеток с живой птицей и визжащими поросятами. Рядом с телегами с довольным видом

стоял Дирт и несколько мужиков. Карита изваянием застыла, прислонившись к стене дома. В общем, приехали.

— Это тебе за вчерашнее выступление. Мы тут прошлись по людям, собрали с миру по нитке. Думаю, ты прекрасно знаешь, как этим распорядиться. — С улыбкой произнёс Дирт, и мужчины принялись разгружать телеги.

Крестьяне споро занесли продукты в дом, а клетки в сарай. Всем было понятно, что это не только мне, но никто и слова об этом не произнёс. Люди всё-таки нашли способ помочь сиротам в обход закона. Вечером Карита, которая также всё поняла, попыталась завести разговор о том, как дети будут со мной рассчитываться, но я лишь отмахнулся, сказав, что так и должно быть, и не нужно придавать этому значения.

Постепенно жизнь вошла в спокойное и размеренное русло. Я ежедневно ходил на пару часов в кузницу, и после нескольких проверок Дирт переложил на меня всё общение с клиентами. Параллельно я в полную силу помогал ему и даже сделал несколько предложений в работе, которые вызвали неподдельный интерес и удивление мастера, но, к его неудовольствию, развивать тему не стал. Потом тренировался и совершенствовал свой фильтр, еженедельно тестируя его в трактире. Выступления стали приносить небольшой доход, и

я заработал к середине лета пару серебряных монет.

К этому времени я закончил работу с «фильтром» и добился полного отсечения чужих эмоций. Это был результат многих экспериментов с новыми и предыдущими моими наработками. Ещё научился менять силу, вложенную в фильтр для того, чтобы при необходимости всё-таки чувствовать эмоциональный фон, но эту возможность надо использовать аккуратно, и в толпе применять её нельзя. Кроме того, после экспериментов стало понятно, что на меня быстро влияют лишь негативные эмоции, причём сильнее всего те, что направлены на мою персону. Если люди относятся ко мне доброжелательно или нейтрально, проблем намного меньше. Кроме того, если негатив собеседников направлен не на меня, то и с этим справиться вполне реально. Тем более порадовало то, что к этому при определённой практике можно привыкнуть, и мой «эмоциональный фильтр» со временем может оказаться не часто востребованным. Это порадовало, так как поддерживать «фильтр» на высоком уровне требовало много сил и внимания, что серьёзно мешало.

Конечно, привыкание к нахождению в обществе — процесс небыстрый. Но жизнь в Гладыше показала, что это однозначно больше не вызовет особых проблем. Первоначально с

«фильтром», потом, надеюсь, без него, но я научусь находиться среди людей.

За время моей работы над «фильтром» я часто находился в обществе без защиты от эмоций окружающих. Это позволило заметить несколько особенностей восприятия. Постепенно у меня начало получаться чуть-чуть опознавать эмоции собеседников. Если первоначально они воспринимались грубым, бессистемным и однородно неприятным воздействием на меня, то постепенно я начал ощущать общий настрой, распознавать сильные чувства; радость или негатив. Конечно, правильно идентифицировать эмоции людей у меня получалось ещё из рук вон плохо, и до эмпатии было очень далеко, но сам факт такой возможности открывал радужные перспективы.

Прибавили оптимизма несколько удачных экспериментов с использованием «взгляда Скальма» по отношению к людям. Надеюсь, со временем мне удастся развить эту тему и получить приемлемые результаты. Я даже в порыве энтузиазма решил со временем создать «чтение эмоций» и «управление эмоциями». Названия придумал заранее. Конечно, это выпендрёж, и пока ещё говорить о чём-либо подобном очень рано, но помечтать хочется.

В середине лета стало ясно, что начинаю оттягивать отъезд, так как результаты моей работы

почти идеальны. Я добился того, чего хотел от этой деревни, и дальнейшие планы можно осуществлять в любом другом месте. Я уже не занимаюсь фильтром, но попросту не могу оставить сирот в одиночестве, ведь только моё присутствие оберегает их от нападок Калена. От избытка времени я досконально обследовал все болота вокруг Гладыша. В этом мне сильно помогли специфические возможности Скальма. А потом даже начал рыбачить с удочкой, и это был уже совсем плохой признак, поэтому пришлось назначить чёткий срок отъезда, привязав его к купеческому каравану, который должен вскоре появиться в Гладыше. Честно говоря, не совсем понимаю, что делать торговцам в этих местах до сбора урожая, но, тем не менее, караван прибывал неизменно в середине лета, плюс минус пару дней.

Я решил связаться со своим приоратом. По нашей связи мне было известно, что с ними всё было в порядке и дела идут неплохо, но это было общее ощущение без конкретики. Настала пора их навестить и подумать о дальнейших планах, но как только собрался погрузиться в медитацию, чтобы определить их точное положение, ко мне на тренировочную площадку прибежал мальчишка от хозяина таверны. Оказывается, пришёл караван, и купцы не откажутся посмотреть на мой номер. Поэтому малец передаёт просьбу прийти в таверну.

Хоть уже и не хотелось заниматься выступлениями, пришлось согласиться, чтобы не выйти из образа. Через минуту ко мне присоединился Дирт, который помог разобрать турник, перенести его и установить на новом месте возле таверны. За нашими действиями внимательно следили приезжие торговцы, больше похожие на воинов. Они неосознанно казались мне неприятными личностями, и поэтому захотелось прощупать их, ослабив фильтр, но Кален, который отирался тут же, поторопил меня.

Отработав программу, сорвал несколько негромких хлопков. Странно, по глазам было видно, что зрители очень заинтересовались. Однако приезжие не спешили восторгаться выступлением. Ко мне нетвёрдой походкой подошёл высокий тучный воин в кольчуге, но без шлема и, дохнув перегаром, прошипел.

— Что это за обезьяньи выкрутасы? Ты нормально повеселить народ можешь? — явный наезд, только непонятна его причина. Скорее всего, подстава. Это было видно по заинтересованной физиономии Калена, который стоял в дверях таверны и чуть ухмылялся уголками губ. В общем, надо срочно сворачивать выступление. Теперь самый лучший выход для меня исчезнуть, так как, если зрители настроены на конфликт, что бы я ни сделал, ничего не получится.

— Прошу прощения, но мой номер должен идти в перерывах основного выступления труппы. Но я здесь один, и больше ничего не умею, поэтому достойного представления не получится. Об этом здесь знали все и непонятно, почему трактирщик Вас не предупредил, — я попытался перевести стрелки на хозяина заведения, ведь было очевидно, что без него не обошлось, а раз так, то пусть теперь он думает, как успокоить посетителей — поэтому ещё раз прошу прощения и позвольте больше не надоедать своим присутствием. — Попытался я по-быстрому исчезнуть, но не получилось.

— Э нет, мартышка, ты у меня ещё попрыгаешь. — Пьяный отцепил с пояса меч, но не стал его доставать из ножен и с этим оружием набросился на меня, вынуждая отскочить.

Мужчина на этом не остановился и продолжил нападать. Уходить от его атак было несложно. Тренированное тело делало это с лёгкостью, и достать меня у воина никак не получалось, тем более, что лишний вес плохо сказывался на его подвижности. Но эта игра мне совсем не нравилась, ведь противник был физически крепок и совсем не следил за своей силой, поэтому любой удар, хоть и ножнами, может привести к серьёзной травме. Несколько раз пытался уговорить разошедшегося воина, пытаюсь остановить безобразия, но тот не обращал внимания

на слова.

Стало ясно, что придётся банально сбегать, но как только об этом подумал, увидел, как вступают в действие ещё трое. Меня окружили, и это уже были более серьезные ребята. Жилистые, поджарые, с холодным блеском в глазах. Настоящие убийцы. Странно. Графство Аненерман находится возле границ с орками, поэтому основные тракты здесь плотно патрулируют военные. Кроме того, во всех поселениях обязательно есть усиленные отряды стражи. Поэтому разбойников нет. Их здесь отлавливают очень оперативно. Зачем купцу понадобилась такая охрана? Но скоро мне стало не до вопросов.

— А вот это уже потеха — произнёс один из присоединившихся воинов, и их мечи заработали.

Мужчины встали так, что уйти из их круга не представлялось никакой возможности. Теперь мне пришлось нелегко. Пришлось постараться изо всех сил, чтобы не попасть под удар. Я уклонялся, отскакивал, катался по земле, прыгал, выделявая в воздухе различные пируэты, использовал весь наработанный потенциал, в том числе и пришедший от Наара, но всё равно не мог вырваться из окружения. Иногда удавалось перепрыгивать воинов или проскальзывать мимо, но каждый раз воспользоваться возможностью сбежать мне не давали, заново окружая. В итоге прижали к стене

таверны.

Это было уже опасно, могло закончиться избиением, но мирного выхода из ситуации я не видел. Придётся сражаться. Под руку попались грабли. Резким ударом освободил рукоять инструмента и пригнулся. Окружившие воины почувствовали изменение моего настроения и подобрались, готовясь к новой атаке. В этот момент вмешался Дирт.

— Что вы творите? Прекратите немедленно — кузнец вклинился между нападавшими, стремясь развести их в стороны. Молот на длинной рукояти говорил о серьёзности его намерений помочь мне.

— Не мешай нам развлекаться, — зло ответил один из воинов — или ты тоже захотел получить?

— А в ответ не хочешь? — парировал кузнец и резко крутанул в воздухе молотом. Потом громко обратился к Калену — эй, ты, чего стоишь как истукан? — но староста, кажется, настолько растерялся, что даже не мог произнести и слова, лишь в недоуменном жесте развёл руки и выразительно посмотрел в сторону одного из гостей деревни, судя по богатой одежде — главного. Тот сморщил губы и кивнул.

— Хватит, оставьте артиста в покое, достаточно развлеклись, — бросил мужчина, и воины, хоть и не мгновенно, но послушались своего командира. Они нехотя пристегнули мечи в ножнах

к поясам и медленно направились к столу — парень, иди сюда. Говорят, ты хочешь уехать отсюда — позвал меня купец.

— Это моё дело, — выдавил я сквозь зубы и двинулся прочь от таверны. С этой компанией мне не по пути.

Ко мне присоединился Дирт, и мы вместе направились в наш угол посёлка.

— Не понимаю. Никогда ещё такого не было, чтобы у нас в Гладыше такие дела творились. Бывало, чужаки цепляли местных или между собой разбирались, но даже до серьёзных драк не доходило, а чуть что — так сразу Кален и его помощники вмешивались, а тут такое. Четверо на одного, причём с оружием, и не унимаются ... Надо мужикам рассказать — продолжал кипятиться кузнец.

— Да не обращай внимания. Всё это не важно. Ты лучше скажи, сколько в этом захолустье отираться собираешься? — не хватало ещё крестьянского бунта, а так переведу тему, и мастер забудет об обидах.

— Да куда мне податься, без гильдейского знака? — расстроился Дирт — Хотя конечно хотелось бы убраться из этих болот. Единственное место, где ещё смогу пристроиться, это мануфактуры, но это конец для меня как мастера. Туда пойду только в крайнем случае.

— А если я тебе работу предложу, пойдёшь? — забросил я удочку.

— И что за работа? — удивился Дирт.

— Интересная, тяжёлая и надолго. — Кузнец после этих слов даже остановился от неожиданности.

— Как-то очень странно слышать такое. Ты же вроде как сирота и собирался стать Видящим, или я чего не знаю? Откуда у тебя работа для меня и что за дело предлагаешь?

— Понимаешь, Дирт, наверняка ты уже понял, что со мной не так всё просто, — кузнец, соглашаясь с этими словами, кивнул. За время нашего общения я часто ловил его заинтересованные взгляды и неоднократно с трудом уходил от неудобных вопросов, поэтому знал, что моя личность вызывает у мастера неподдельный интерес. Зная это, решил продолжить — быть простым Видящим для меня несколько ...мелко, что ли. Не буду ничего рассказывать, слова только запутают и, скорее всего, ты не поверишь. Это надо увидеть, и тогда всё станет ясно. Но, надеюсь, ты достаточно меня изучил, чтобы немного доверять и понимать, что я не стану предлагать заведомую глупость. Что скажешь?

— Как-то всё очень неконкретно, — с сомнением пробурчал Дирт. Было очень заметно, что мастер хочет поверить мне, но отсутствие

информации сбивает его.

— Я понял. Мои слова не убедили тебя, но это и правильно. Кстати, это ещё одна из причин, почему обращаюсь именно к тебе. Мне нужны в первую очередь думающие люди, а не всякие с ветром в голове, которых помани тайной, и они тут же побегут следом. Давай сделаем так. Скоро я уйду из деревни, скорее всего, навсегда. Следующим летом к тебе придет мой человек. Может, к тому времени ты созреешь. А чтобы проще было согласиться, он привезёт аванс.

За этим разговором мы уже дошли до кузницы и распрощались. Кузнец несколько растерянно проводил меня глазами. Конечно, было грустно, что разговор не сильно склеился, но рассказывать Дирту про Скальм... Тогда бы совсем ничего не получилось, он бы однозначно меня за сумасшедшего посчитал. А так, — он заинтригован и, может быть, созреет пойти, невзирая на неизвестность. Собственно говоря, как мне ещё персонал набирать? На что можно рассчитывать?

За месяцы, проведённые здесь, я успел пообщаться со многими и с большего понять, как живёт этот мир. Особенно мне в этом помог тот же Дирт, как человек, живший в большом городе, но свои штрихи внесли и другие люди. Жизнь в посёлке нельзя было считать сильно похожей на ту, которой живет остальная Империя. Гладыш был в

некоем роде исключением, так как, по сути, предоставлен сам себе и здесь сформировалась собственная атмосфера. Добраться через болота к поселению можно либо зимой по льду, но это тяжело из-за снежных заносов, либо летом. Причём во время дождей и так плохая дорога непреодолима для транспорта. Ещё есть тропа, по которой я пришёл, но она ведёт в противоположную от населённых мест сторону и используется только местными. Поэтому гостей здесь почти не бывает. Только сборщики податей и редкие купеческие караваны. Даже армейские команды рекрутов не заглядывают, отдавая свою работу в руки налоговиков.

Земли вокруг посёлка не радуют большими урожаями, поэтому крестьяне едва сводят концы с концами и при малейшей возможности стараются уехать. Остаётся минимум населения, который ещё как-то может прожить в этих местах и, естественно, это не самые лучшие представители человечества. Лентяи, пьяницы или калеки. Конечно, далеко не все таковы, но всё равно, как бы крестьяне не старались, они прозябают на грани нищеты. Едва наскребают, чтобы минимальные налоги оплатить и на большее даже не надеются.

Представителей власти в таком посёлке невыгодно содержать и это никогда не изменится, уж проще снести его, но это противоречит законам.

Поэтому найден выход: всё управление делами отдано в руки местных, а Кален, какой бы он ни был самодур, справляется с делами, поэтому всех устраивает. Все остальные положенные в поселении посты занимают его ставленники. Это обычные крестьяне и, естественно, все они — родственники старосты, которые имеют лёгкие послабления в налогах за счёт должности. Это обходится дешевле, чем держать здесь людей на окладе. Поэтому в Гладыше Кален устанавливает свои правила и пользуется высоким положением, когда надо, используя выгодные ему законы. Но, по сути, все местные предоставлены сами себе и все живут, как хотят, по своим правилам и никому нет дела до окружающих. Эта ситуация известна, однако никто ничего менять не будет, лишь бы местные дела никому из высокого начальства графства мозги не парили.

Во всей остальной Империи люди живут богаче и могут позволить себе многое. Соответственно, государство не оставляет без присмотра выгодных налогоплательщиков, и жестко устанавливает общие законы. За их соблюдением ревностно следят и стражники, и маги и ещё пяток различных служб. За гражданами всегда присутствует ненавязчивый контроль и когда надо, власти вмешиваются в жизнь людей, влияя на нерадивых хозяев или в других случаях.

Но в условиях непрекращающейся войны с орками это, по всей видимости, необходимо, все это понимают и мирятся, до бунтов не доходит. Если бы я появился в других местах, то однозначно бы привлёк внимание. А так, можно сказать, с Гладышем повезло, получилось освоиться, многое узнать и теперь можно подумать, как поступать дальше.

Для работы в Скальме нужно много людей, однако постоянный контроль над жителями Империи сильно осложняет задачу по найму и если пытаться найти работников среди трудоспособного населения, это не останется незамеченным и может вызвать если не противодействие, то однозначный интерес со стороны властей. Оно мне надо? Существует, конечно, разряд людей, которые и в данных условиях ведут себя вольно, но это в основном криминал, а с ними мне не по пути. Кроме того, в Скальм народ никакими деньгами не заманишь, разве что получится нанять клинических идиотов или авантюристов. Но этот контингент мне тоже не подходит, нужны разумные и серьёзные люди. Так что как выкручиваться пока не ясно, но может приоритет чего подскажет. Эти ушлые пройдохи должны что-нибудь сообразить, хотя на них надеяться не следует. Они по сути рабы и инициативу проявлять не станут. В общем, засада.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я

пришёл на тренировочную площадку. Просканировал «аурным зрением» окрестности и, убедившись, что никто не наблюдает, активизировал печать приора. Немедленно появилось ощущение, в какой стороне находится приорат. Двое из семьи находились отдельно от остальных, видимо выехали, остальные пятеро находились там, где и ожидалось.

При расставании мы договорились, что Хомолиген с людьми поселится в городе Дунальстерн, поэтому я ожидал найти их там. Сначала думал вызвать купцов к себе. Печать приора позволяла передать пару фраз, которые воспринимались приоратом как приказ, но, поразмыслив, решил добраться до них самостоятельно. Заодно на Империю посмотрю, а то только Гладыш и видел. Из столицы графства Аненерман Ставроса уехать в Дунальстерн можно без проблем, только деньги плати. На территории Империи активно эксплуатировали подвесные дороги. Древние сооружения станций до сих пор стояли и предоставляли возможность быстро перемещаться по стране. Сеть подвесных дорог поддерживалась в работоспособном состоянии и являлась основной транспортной артерией. Там работали тысячи людей, и все станции были связаны между собой тросами. Совсем не так, как в Скальме, где за тысячелетия от некогда

разветвлённой сети остались лишь оборванные ветки.

В империи подвесную дорогу очень ценили и, соответственно, берегли. Собственно говоря, производство, торговля и основной пассажирский поток полностью зависели от этих основных путей сообщения, и крупные города всегда располагались возле станций. Подвесная дорога является основой экономики и естественно, что административные центры любого герцогства, графства и прочих областей находятся поблизости от транспортных узлов. Поэтому попасть в любой крупный город можно, купив билет на нужный маршрут и это вполне доступно, были бы деньги. Столица герцогства Альстерн — не исключение. Надеюсь, что денег на проезд мне хватит, а то неохота бегать и манны продавать.

Раз с торговцами мне не по пути, завтра поутру отправлюсь в путь сам. Я рассредоточил внимание, отвлекаясь от печати приора. Неожиданно осознал, что наступил вечер. Интересный эффект, вроде сосредоточился на приорате всего на пару минут, а задумался и выпал из реальности на длительный срок. Надо будет аккуратнее пользоваться печатью.

Вскоре ко мне подбежала Макта и позвала на ужин. Сироты уже давно не голодали, их стол уже не пустовал, как в первые дни моего появления, но

сегодня Карита расстаралась особенно. Овощное рагу, свежий хлеб, большой пирог, запёчённая курица и множество разносолов. Я лишь присвистнул от такого богатства.

— Откуда всё это?

— Это принесли тебе из трактира, а ещё вон твой турник под навесом лежит — ответила девушка.

Понятно. Купцы решили извиниться. Ну что же, смысла в обиженную позу становиться нет. Так что братва, налетай на вкусняшки. В некотором смысле хороший прощальный ужин получится.

Мы с сиротами хорошо провели время за столом. Было много шуток и веселья, но подошла пора сообщить им о скором расставании. Я начал готовиться к тому, чтобы начать неприятный разговор, как заметил, что Макта спит, уронив голову на руки. Следом за ней стали зевать и остальные. Я почувствовал, как наваливается невероятная усталость и провалился в сон.

Глава 6

Сквозь забытьё проникли смутные образы. В дом зашли тени, похожие на людей и поволокли меня на улицу, посадили на телегу. Далее урывками шла дорога. Я сидел на трясущейся повозке, рядом находились какие-то люди. Мимо проносились на

лоргах всадники. Периодически нас поили горьким пойлом. Но всё было, как в тумане, и редкие периоды просветления обрывались беспамятством.

Но однажды это закончилось. Я очнулся от резкого толчка. Состояние по-прежнему было мутным, и жутко болела голова, но сознание больше не терялось. Стало понятно, что действительно куда-то еду в открытой телеге с высокими бортами в виде решётки. Рядом находились другие люди, но поначалу узнать, кто это, не было возможности, так как глаза плохо фокусировались. По-видимому, соседи также нехорошо себя чувствовали, так как могли произносить лишь обрывочные невнятные фразы.

Через полчаса дурман из головы выветрился, зрение восстановилось, и появилась возможность осознать, что происходит. Я ехал по едва заметной плохо наезженной дороге в железной клетке, установленной на телеге, которую тянула пара волов. Возницы не было, а волы были просто привязаны к спереди идущей повозке и шли вслед за ней. Транспорт сильно качало на неровностях и приходилось постоянно удерживаться, чтобы не стучаться о прутья клетки. По всей видимости, находясь в бессознательном состоянии, частенько прикладывался о борта, так как всё тело покрыто мелкими ссадинами и синяками. Моя телега шла последней в группе повозок. Я попытался

приподняться, чтобы оценить длину каравана, но затёкшие ноги не слушались. Пришлось сначала их разминать, но в итоге удалось немного приподняться, распрямиться в полный рост не дала высота клетки, и понять, что впереди ещё с десятков телег, подобных той, в которой еду я, и в них также находятся люди. Рядом ехали вооружённые всадники на лоргах. Присмотревшись к воинам, понял, что это купцы из таверны в Гладыше.

Одновременно с этим пришло осознание того, что у меня появились серьёзные проблемы. А когда увидел, кто находится рядом, стало понятно, что дела очень нехороши не только у меня. В одной повозке со мною ехал Дирт, его жена с младенцем, а чуть дальше — трое приютивших меня в посёлке хозяев-сирот и ещё одна крестьянская семья из Гладыша. Кузнец мрачно сидел, не мигая, уставившись в свои ноги. Я попытался его расшевелить.

— Дирт! Что происходит?

Кузнец перевёл взгляд в мою сторону и мрачно произнёс.

— Угощеньица из таверны покушали, — и грубо выругался.

— Ты о чем это? Объясни всё толком — я не унимался, но уже начал обо всём догадываться.

— Да что тут говорить. Продал нас Кален. Накормил угощением с сонным зельем и продал.

Гнида! Это караван каторжан или иначе — работоторговцы. Сволочи, видимо, бумаги и печати с метками подделали и теперь везут нас на рудники или ещё куда похуже. — Я знал, что существуют обездоленные люди, которые попадают в кабалу за долги или по иной причине. Их принудительно направляли на работы или в услужение, по сути, делая рабами. Есть ещё преступники, которые попадают на каторгу. Да и знакомство с деятельностью Хомолигена подсказало несколько путей, которыми свободный человек может попасть в рабство. Этих людей всегда можно было отличить по несмываемой печати на предплечье и, кроме того, им наносилась специальная магическая метка, которая позволяла следить за её обладателем. Самому попасть в этот контингент совсем не улыбалось.

Я немедленно оголил плечо и увидел черный знак в форме креста. Лёгкая, едва заметная дымка, видимая особым взглядом, просигналила о наличии магической метки.

— Как же так? — непроизвольно вырвалось у меня.

— А вот так — с издёвкой произнёс кузнец — теперь мы рабы. Или, если я правильно понимаю, дела наши ещё хуже.

— Да я сейчас ... — во мне стало просыпаться бешенство.